

НОВАЯ ПОЛЬША 6/2008

Содержание

1. О “НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗАХ ПРОШЛОГО”
2. РУССКИМ ДРУЗЬЯМ - В ОТВЕТ
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. ПАМЯТИ ИРЕНА СЕНДЛЕР
5. ДОСТОЕВСКИЙ И СВЕДЕНБОРТ
6. ВРАЧИ В СОВЕТСКИХ ЛАГЕРЯХ
7. ИЗ НОВЫХ СТИХОВ
8. ПОЭЗИЯ ИЛИ ЖИЗНЬ?
9. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
10. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
11. СОФТ-РЕЛИГИЯ

О “НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗАХ ПРОШЛОГО”

XX век оставил глубокие и незаживающие раны в памяти практически всех народов Восточной и Центральной Европы. Революции, перевороты, две мировых войны, нацистская оккупация Европы, катастрофа, непостижимая для человеческого ума, – Холокост. Множество локальных войн и конфликтов, большая часть которых имела отчетливую национальную окраску: Прибалтика, Польша, Западная Украина, Балканы. Чехарда разного толка диктатур, каждая из которых бесцеремонно отнимала у людей гражданскую и политическую свободу, а взамен навязывала им унифицированные, обязательные для всех системы ценностей. Цепь обретений, утрат и новых обретений народами национальной независимости, понимаемой, по большей части, в рамках этнического самосознания, – и каждый раз те или иные сообщества чувствовали себя оскорбленными и униженными.

Это наша общая история. Но каждый народ помнит и чувствует эту историю по-своему. Национальная память по-своему перерабатывает и осмысляет общий опыт. И поэтому у каждого народа – свой XX век.

* * *

Разумеется, любой “коллективный образ прошлого” – категория условная и абстрактная. Но эта абстракция воплощается во вполне конкретных вещах: в публичных политических и нравственных оценках исторических событий, в культурной жизни, в содержании образования, в государственной политике, в межнациональных и межгосударственных отношениях.

Горечь давних взаимных обид может долго отравлять отношения между народами – если только у них не находятся лидеры, подобные Вацлаву Гавелу, который, став президентом Чехословакии, нашел в себе мужество (вопреки тогдашним настроениям большинства своих сограждан!) публично извиниться перед изгнанными после войны из Судетской области немцами и их потомками. Подобные символические жесты вполне способны если не поставить точку во взаимных претензиях народов друг к другу, то заметно снизить их накал.

К сожалению, люди такого нравственного масштаба, как Гавел, редко становятся национальными лидерами.

Мы отдаем себе отчет и в том, что не существует такого судьи, который мог бы вынести прошлому независимый и нелицеприятный вердикт. Почти в каждом из многообразных образов прошлого, порожденных национальной памятью, можно разглядеть и стремление людей оправдать собственный народ, и фрагмент исторической истины, более всего внятный именно этому народу и менее заметный для его соседей. Различие исторических оценок – это реальность, которую бессмысленно и вредно затушевывать. С ней мало просто считаться, ее надо постараться понять.

Сегодня споры на исторические темы возникают не столько вокруг фактов, сколько вокруг различных интерпретаций этих фактов. Добросовестное осмысление того или иного события, явления или процесса требует прежде всего рассмотрения его в конкретном историческом контексте. Однако зачастую сам выбор этого контекста порождает трудно совместимые оценки.

Так, в контексте насильственного отторжения Вильнюса и Виленского края от Литовского государства в 1920 г. и последующей аннексии их Польшей возвращение этих территорий в состав Литвы осенью 1939 г. выглядит актом восстановления справедливости. Но совсем по-другому смотрится это же событие в контексте пакта Молотова – Риббентропа и секретных протоколов к нему, гибели польского государства под двойным ударом с Запада и Востока и других реалий первых недель Второй мировой войны. Подобная множественность оценок заложена в целом ряде территориальных переделов, “отторжений” и “воссоединений” тех лет.

Что такое день 17 сентября 1939 года для польского народа? Это день национальной трагедии, когда страна, из последних сил сопротивлявшаяся гитлеровской агрессии, подверглась внезапному и ничем не спровоцированному вторжению с Востока. Это исторический факт, и никакие ссылки на несправедливость довоенных границ или на необходимость обеспечить Советскому Союзу западные рубежи обороны не могут снять со сталинского руководства ответственности за соучастие в гитлеровской агрессии против Польши.

Но для значительной части украинского народа этот день имеет еще и особый, дополнительный смысл: это день воссоединения украинских земель в единое целое, хотя бы и в рамках СССР.

Имеют право украинцы на особое отношение к этим событиям, иное, чем у поляков? Да, имеют. Но при этом и поляки, и украинцы вправе ждать друг от друга понимания и уважения к различиям их памятей.

Как следует воспринимать события 1944 года, когда Советская армия вышибла немцев из Литвы, Эстонии и большей части Латвии? Как освобождение Прибалтики от гитлеровцев? Как важный этап на пути к окончательной победе над нацизмом? Безусловно; и именно так воспринимаются эти события в мире. В России это восприятие особенно остро, оно вошло в основу национального самосознания.

Но для эстонцев, латышей и литовцев военные победы советской армии означали еще и возвращение их стран в состав СССР – государства, которое в 1940 г. лишило их национальной независимости, возвращение режима, который за 11 месяцев, с июля 1940-го по июнь 1941-го успел зарекомендовать себя многочисленными арестами и приговорами по политическим обвинениям, депортацией десятков тысяч человек в Сибирь и Казахстан, бессудными казнями заключенных в первые дни войны. А в ближайшем будущем, которое окончательно определилось осенью 1944 г., их ожидали насильственная коллективизация, новые аресты и новые массовые депортации.

Имеют ли граждане России и других стран, входивших в состав СССР, право гордиться военными успехами Советской армии в 1944 году? Вне всякого сомнения: это право оплачено кровью сотен тысяч погибших солдат. Но, нисколько не поступаясь этой законной гордостью, они должны знать и понимать, что, кроме освобождения от нацизма, принесли эти успехи народам Балтии. Те же, в свою очередь, помня о своей трагической истории, должны помнить и понимать, что означает для России – да и для всего человечества – память о великой борьбе народов с нацизмом.

В Тбилиси и Киеве недавно открылись “музеи советской оккупации”. Это вызвало у большинства российских граждан недоумение или раздражение: В России лишь специалисты-историки знают о существовании независимой Грузинской Демократической Республики в 1918–1921 гг. и о попытках создания в 1918–1920 гг. независимой Украинской Народной Республики, а также о роли Красной Армии в их ликвидации. Но в самих этих странах память об их независимом государственном существовании в XX веке, пусть исторически кратком, никогда полностью не исчезала. Вполне естественно, что сейчас там возникает стремление к переосмыслению событий 1920 и 1921 годов.

Можно не соглашаться с некоторыми выводами, которые при этом делаются. Можно полемизировать с теми историками и юристами, которые возводят нынешнюю украинскую или грузинскую государственность к событиям 1918 года. Можно решительно спорить с теми, кто склонен рассматривать всю историю этих стран от конца Гражданской войны до 1991 года как период “оккупации”. Но общество в России – стране, на которую многие привычно возлагают вину за всё, совершенное коммунистическим режимом, – должно быть в курсе дискуссий о прошлом, которые разворачиваются в соседних странах, и относиться к этим дискуссиям с пониманием, а не отделываться от них газетными фельетонами и карикатурами.

В то же время хотелось бы, чтобы украинская и грузинская общественность сознавала: отсутствие в России автоматического согласия с хлесткими эпитетами, подчас применяемыми в Грузии или Украине к некоторым ключевым эпизодам этой нашей общей истории, не обязательно свидетельствует о “великодержавном шовинизме” и “неизжитых стереотипах имперского сознания”.

Это же относится и к оценкам вооруженного партизанского сопротивления коммунистическому режиму в послевоенные годы на Западной Украине, в Литве, Латвии, Эстонии, Польше. Память о повстанческих движениях, как правило, сложна и драматична; она не может не порождать множества самых разных оценок. Вплоть до самых крайних: кто-то склонен к безоглядной героизации “борцов за свободу”, кому-то мучительно трудно расстаться с привычными представлениями о “бандитах”. И для любой точки зрения без труда находятся обоснования. Спорящие не в силах убедить друг друга (даже в тех случаях, когда спор идет внутри одной страны). Когда же к ожесточенному спору примешиваются национально-государственные амбиции и политические страсти, вряд ли можно надеяться на достижение взвешенных и взаимоприемлемых оценок. Но перейти от перебранки и взаимных оскорблений к цивилизованному обмену мнениями – можно и должно.

Перечень примеров, когда память одного народа вступает в противоречие с памятью другого народа, можно продолжать и дальше. В этих противоречиях нет решительно ничего скверного – напротив: если относиться к ним с должным пониманием, они лишь обогащают историческое сознание каждого народа, делают наши представления о прошлом более объемными.

* * *

В той области истории, которой занимается общество “Мемориал”, – в истории советского государственного террора – эта разница в оценках и понимании оказалась не менее болезненной, чем в других областях. Трагедии прошлого, неосознанные и неосмысленные или осмысленные лицемерно и поверхностно, становятся основой для новых историко-политических мифов, влияют на национальные менталитеты, искажают их, сталкивают между собой страны и народы.

Почти во всех странах бывшего “социалистического лагеря” процветают ныне те формы историко-политической рефлексии, которые позволяют представить “свои” страдания исключительно как результат “чужой” злой воли. Диктатура и террор позиционируются в первую очередь как направленные против нации, а те, кто их осуществлял, – как “чужеземцы” или чужеземные марионетки. То обстоятельство, что коммунистические режимы в этих странах в течение многих лет опирались не только на советские штыки, но и на определенные внутренние ресурсы, постепенно исчезает из национальной памяти.

При этом до предела заостряются историко-правовые оценки происходившего: например, расхожей монетой в политическом лексиконе целого ряда посткоммунистических стран стало слово “геноцид”. Мы отдаем себе отчет в том, что и такого рода крайние оценки нередко несут в себе часть исторической правды. Но мы полагаем, что частичная правда всегда опасна – в первую очередь для тех, кто готов принять ее за историческую истину во всей ее полноте.

Культивирование образа собственного народа как “жертвы”, возведение уровня человеческих потерь в ранг национального достояния органически связаны с отчуждением ответственности, с персонификацией образа “палача” в соседе. Это естественный результат рефлекторной потребности людей снять с себя слишком неподъемный груз гражданской ответственности за прошлое. Но снятие с себя всякой ответственности и возложение ее на соседа – не лучшая основа не только для взаимного понимания народами друг друга, но и для собственного национального возрождения.

Для России история рухнувшего Советского Союза неотделима от ее собственной истории – таково самосознание большинства ее граждан. Отчасти поэтому, а отчасти из-за того, что Россия объявила себя правопреемником СССР, для ряда соседних народов она оказывается удобным объектом, на который можно возложить историческую ответственность – достаточно

отождествить сегодняшнюю Россию со сталинским СССР и указать на нее как на источник своих национальных трагедий.

Россия, со своей стороны, нашла особый способ облегчения ноши, возложенной историей на народы, пережившие тоталитаризм. Вместо добросовестных попыток осмысления истории XX века во всей ее полноте и трагизме, вместо серьезной общенациональной дискуссии о советском прошлом, здесь возрождается, с небольшими изменениями, советский державно-патриотический миф – миф об отечественной истории как о череде славных героических свершений. В этом мифе, по большому счету, вообще нет места ни вине, ни ответственности, ни осознанию самого факта трагедии. Какая же может быть гражданская ответственность за героизм и самопожертвование? В результате многие российские граждане просто не в состоянии осмыслить не только степень исторической ответственности Советского Союза перед соседними с сегодняшней Россией странами, но и масштабы катастрофы, постигшей саму Россию. Отказ от памяти, подмена ее картиной лубочной империи, где “от молдаванина до финна / на всех языках все молчит, / бо благоденствует”, представляет для России не меньшую общественную опасность, чем культивирование национальных обид – для ее соседей.

* * *

Повторим еще раз: сами по себе национальные различия в интерпретации важных исторических событий – естественны и неизбежны. Надо всего лишь отчетливо понимать, как относиться к этим различиям.

Разумеется, не следует отказываться от собственного понимания истории в угоду одной лишь “политкорректности”; но навязывать соседям собственную правду тоже не следует.

Бессмысленно игнорировать “чужую” память, делать вид, что ее не существует вовсе; бессмысленно отрицать ее обоснованность, огульно объявляя ложными те факты и толкования, которые за ней стоят.

Не следует превращать страдания и несчастья собственного народа в род нравственного преимущества перед другими народами, якобы (или в действительности) не так сильно пострадавшими, использовать эти страдания как политический капитал, конвертировать их в списки претензий к соседним странам и народам.

Ни в коем случае не следует пытаться эксплуатировать противоречия в “национальных образах прошлого”, превращать особенности национальной памяти в повод для межнациональной вражды и межгосударственных конфликтов.

При любом историческом видении – сегодня непродуктивно и опасно делить народы на “жертв” и “палачей”, оценивать прошлое в категориях “исторической вины” одних перед другими.

Дело даже не только в том, что современное правовое мышление отрицает концепцию коллективной и, тем более, наследственной вины за преступление. (Мы не касаемся здесь проблем, связанных с юридической ответственностью государств перед своими и чужими гражданами). Мы убеждены: для серьезного осознания прошлого, для поиска выхода из тупиков исторических противоречий главное – не поиск виновных, а гражданская ответственность, которую добровольно принимает на себя каждый человек, чувствующий себя членом некоего исторически сложившегося сообщества, за деяния, совершаемые от имени этого сообщества. Если народ объединен не только сиюминутным гражданским и политическим бытом, но и общим прошлым, и чаянием общего будущего – то категория гражданской ответственности естественным образом распространяется и на национальную историю. Именно **гражданская ответственность за собственную историю**, а не великие достижения и великие катастрофы как таковые, делают народ в полной мере нацией – обществом сограждан.

Эта ответственность – не та работа, которую можно сделать один раз и навсегда. Каждый народ должен вновь и вновь обращаться к своему прошлому, должен вновь и вновь, в каждом новом поколении, осмыслять и переосмыслять его, не отворачиваясь от горьких и страшных его страниц, должен развивать собственное прочтение истории – и отчетливо понимать при этом, что другие имеют право на иное, свое собственное ее прочтение. Более того, каждый народ должен стремиться увидеть и понять образы прошлого, сложившиеся у его соседей, и понять ту историческую реальность, которая стоит за этими образами. Не принять, а именно понять; не заменить собственную правду истории чужой правдой, а дополнить и обогатить ею свое видение прошлого.

* * *

К сожалению, на наших глазах история становится инструментом для достижения сиюминутных политических целей, дубиной в руках людей, которым, в сущности, нет дела ни до национальной памяти других народов, ни до трагедий, пережитых их собственными народами, ни до прошлого вообще. События, которые разыгрались недавно вокруг памятника советским солдатам в Таллинне, отчетливо демонстрируют дефицит гражданской ответственности у политиков и в Эстонии, и в России. История с памятником – яркая иллюстрация того, какие последствия могут повлечь за собой различия в национальных образах прошлого, если спор об истории принимает форму “конфликта памятей”.

Разумеется, всегда найдутся люди, которые захотят подогреть этот конфликт, чтобы извлечь из него политические дивиденды – в ущерб своему собственному народу, в ущерб другим народам, в ущерб всем нормальным людям. Но и общество не может снять с себя ответственности за подобное развитие событий, ибо конфликт становится возможным там, где отсутствует доброжелательный и заинтересованный диалог.

Что может противопоставить общество застарелым предрассудкам, взаимной нетерпимости, своекорыстию и ограниченности политиков?

Мы полагаем, что единственный способ преодолеть нарастающую отчужденность между народами – это свободный, непредвзятый и цивилизованный обмен мнениями по всем вызывающим разногласия вопросам нашей общей истории. Цель этого обмена мнениями видится нам не в том, чтобы полностью снять противоречия во взглядах, а всего лишь в том, чтобы лучше узнать и постараться понять точки зрения друг друга. Если при этом мы придем к единому мнению относительно какой-то болезненной проблемы, связанной с нашим прошлым, – прекрасно. Если не придем – ничего страшного: каждый из нас останется при своем понимании, но мы научимся видеть и понимать также и образы прошлого, существующие в сознании наших соседей. Единственными условиями диалога должны стать общая готовность участников уважать другую точку зрения, сколь “неправильной” она бы ни показалась кому-то на первый взгляд, искренний интерес к этой точке зрения и искреннее желание понять ее.

Для этого диалога необходимо создать соответствующий механизм, своего рода дискуссионную площадку.

* * *

Общество “Мемориал” предлагает всем, кто заинтересован в содержательной и доброжелательной дискуссии на темы, связанные с общим историческим прошлым, принять участие в создании такой площадки – Международного исторического форума. Этот Форум видится нам как свободная ассоциация общественных организаций, исследовательских центров, культурно-просветительских учреждений и т.п., внутри которой постоянно идет обмен мнениями вокруг конфликтных исторических событий XX века, связанных с нашим регионом.

Само собой разумеется, Форум не может быть закрыт и для отдельных исследователей, публицистов и других заинтересованных людей. И, конечно, мы хотели бы, чтобы на нем были представлены как “господствующие” в том или ином обществе исторические воззрения, так и “диссидентские” точки зрения – за исключением тех интерпретаций, которые основаны на откровенно человеконенавистнических, фашистских и расистских системах ценностей.

Состояние национальной памяти в странах Центральной и Восточной Европы интересно и важно в первую очередь для народов этого региона – но не только для них. Так называемая “старая Европа” сегодня прирастает Европой новой. Почти все государства региона вошли или стремятся войти в общеевропейские структуры. Вместе с ними в европейскую культуру, в общую европейскую память входят наши исторические проблемы, травмы и комплексы. Опыт посткоммунистических стран (включая не только “географическую Европу”, но и Казахстан, и государства на Кавказе и в Центральной Азии) становится вызовом для всех европейцев: с ним необходимо работать, его надлежит понять. Наш предполагаемый диалог – это лишь часть общеевропейского, а по большому счету, общечеловеческого диалога о прошлом. Кроме того, осваивая и осмысляя собственный XX век, многие народы – и в Западной Европе, и в Латинской Америке, и в других регионах мира – сталкивались с проблемами, схожими с теми, которые стоят сегодня перед нами, и было бы очень важно знать, как эти проблемы у них решались и решаются. Поэтому мы надеемся, что тематика и состав участников Форума не будут жестко ограничены одним нашим регионом.

Конкретные формы организации диалога – специальный интернет-сайт, серии “очных” двусторонних и многосторонних тематических конференций, в которых

смогут принять участие не только историки-профессионалы (которые и без того так или иначе осуществляют обмен мнениями внутри академического сообщества), но и юристы, социологи, журналисты, активисты общественных организаций и т.д., – мы предлагаем выработать совместно всем тем, кто поддерживает нашу идею и готов участвовать в ее осуществлении. Это же относится и к различным “продуктам деятельности” форума, вплоть до общих периодических изданий и совместной разработки учебных пособий для средней школы, с помощью которых молодежь каждой из наших стран могла бы знакомиться с “национальными образами прошлого”, имеющими распространение среди соседних стран и народов.

Исторический форум, который мы предлагаем создать, будет, несомненно, способствовать развитию взаимопонимания между его участниками – людьми и организациями, представляющими разные страны и разные традиции осмысления прошлого. Но мы надеемся, что он станет также одним из путей к взаимопониманию между нашими странами и народами.

Мы обязаны попытаться сделать так, чтобы наши общие трагические воспоминания сближали, а не разъединяли народы. И у нас есть шанс этого добиться, если мы согласимся работать над прошлым вместе, а не порознь.

Март 2008

РУССКИМ ДРУЗЬЯМ – В ОТВЕТ

Обращение Международного общества “Мемориал”, посвященное “войне памятей”, приводит на ум другое обращение – стихотворение Адама Мицкевича “Русским друзьям”, написанное в эмиграции, после подавления польского восстания 1830 года и с памятью о подавлении восстания декабристов. “Горе / Народам, убивающим своих пророков!” – писал польский поэт. В прекрасной поэтической форме великий поэт откликнулся на беззаконие, преследования и смертную казнь лучших представителей тогдашнего русского общества.

Где вы? Рылеев, ты? Тебя по приговоре

За шею не обнять, как до кромешных сроков, –

Она взята позорною пенькою. Горе

Народам, убивающим своих пророков!

Бестужев! Руку мне ты протянул когда-то.

Царь к тачке приковал кисть, что была открыта

Для шпаги и пера. И к ней, к ладони брата

Пленённая рука поляка в плоть прибита.

(Пер. Анатолия Якобсона)

Для Бестужева, Рылеева и Мицкевича, как позднее для польской Великой Эмиграции и Александра Герцена, а в наше время – с польской стороны – Ежи Гедройца и Юлиуша Меровского [а с русской, прибавим, – Владимира Максимова и его журнала “Континент”], противник был общий. Врагом были не другие народы, а те, кто попирает человеческое достоинство и правду, фальсифицировал историю и подавлял свободу. “Колокол” Герцена и “Культура” Гедройца вырастали из одних и тех же духовных потребностей, из той же жажды свободы. Это был приходящий из Парижа и Лондона в Санкт-Петербург, Москву и Варшаву голос свободных людей, защищающих свободу тех, кто был лишен ее как в России, так и в Польше.

Много лет назад в беседе с Натальей Горбаневской [“Континент” №68, 1991] редактор парижской “Культуры” Ежи Гедройц изложил свое представление о том, как могли бы в будущем складываться отношения России и русских с Польшей и поляками: “Прежде всего, конечно, это пожелание самой России, чтобы она отряхнулась от прошлого и стала демократической страной. Но для меня лично важнее всего вопрос нормализации польско-русских отношений, и не только в политическом аспекте – тут всегда могут остаться те или иные разноречия, – но в аспекте культурного сотрудничества. Для меня всё это всегда было делом очень близким (...) русская литература была мне очень близка, едва ли в каком-то смысле не ближе, чем польская. Я ведь больше читаю по-русски, чем по-польски, потому что нахожу там больше отвечающих моим интересам писателей и книг, чем в польской литературе”.

В этом интервью Гедройц напоминал о книге Густава Герлинга-Грудзинского “Иной мир” (которая по-русски вышла в переводе Натальи Горбаневской). Он отмечал, что эта “книга чрезвычайно важна, и не только в силу таланта, а тем, что вот человек, который прошел лагеря, столько перестрадал и не испытывает никаких антирусских чувств – общечеловеческие ценности для него важнее. (...) Чего я больше всего боюсь, это как раз всяческих раздутых национализмов. Боюсь, как бы борьба с советизмом, с советизацией, с коммунизмом не превратилась в антирусскую борьбу. Подобные массовые настроения крайне опасны, и мы должны против них бороться”.

Заслуживает внимания комментарий Натальи Горбаневской: “Боюсь, что опасения Ежи Гедройца в немалой степени остаются актуальными и сегодня – актуальной остается и задача борьбы против „раздутых национализмов”, которую он сам вел всю жизнь” (выступление Н.Горбаневской на конференции в Люблине в год столетия со дня рождения Ежи Гедройца по-польски опубликовано в сборнике работ конференции, по-русски – в “Новой Польше”, 2006, №12).

Как известно, парижская “Культура” сыграла фундаментальную роль в формировании мышления поляков о своих восточных соседях. Неслучайно все польские правительства после 1989-го – независимо от того, какие партии в них участвовали, – делали ставку на добрососедское сотрудничество с Украиной, Белоруссией и Литвой, а также на формирование дружественных отношений с демократической Россией. Они сознательно проводили в жизнь концепцию Гедройца-Мерошевского, а бывало, и считали ее в каком-то

смысле делом естественным и очевидным, альтернативы которому нет. Демократическая Польша выбрала иной путь, нежели в межвоенный период, когда отношения с восточными соседями были обострены, напряжены и затрудняли сближение и взаимопонимание. Это была победа духа и мысли, сформировавшейся в кругу парижской “Культуры”, над материей, складывавшейся из захолустности, этнической мстительности, национализма и вражды. Как верно и сжато написал Адам Михник, Ежи Гедройц – это “Александр Герцен, который преуспел”. Однако в политике – даже если она успешно осуществляется в соответствии с верной концепцией – ничто никогда не решается раз и навсегда.

Наши отношения с соседями по природе вещей уходят корнями в прошлое. Точка отсчета в мышлении о будущем – исторический опыт. Концептуальная мысль, которую выработал Ежи Гедройц, тоже вытекала из исторического опыта – хорошего и дурного. Ошибется тот, кто полагает, что достаточно знать факты, чтобы на их основе конструировать новый тип отношений с соседями. По существу каждое поколение заново – и часто иначе, нежели предшествующие, – определяет свое понимание безопасности в меняющемся мире. Великое политическое завещание Гедройца и Меровского состоит в том, что они указали, как мыслить иначе, открыто к чужому мнению, без опоры на националистические стереотипы и предрассудки, избавившись от провинциального взгляда на соседей как на объект господства или “извечного” врага. Тот факт, что парижской “Культуре” – ее редакторам, авторам и сотрудникам – удалось привить польской интеллектуальной элите такого рода подход, уже принес хорошие плоды в отношениях с Литвой и Украиной, и будем надеяться, что в ближайшем будущем принесет результаты в отношениях с Россией, а в дальнейшем – и с Белоруссией (когда в этой стране наступят – а я более чем уверен, что такой день придет – демократические преобразования, а общество Белоруссии отвергнет авторитарный и деспотический режим, навязанный народу Александром Лукашенко).

* * *

Обращение “Мемориала” верно и точно диагностирует проблемы, связанные с тем, что называют “национальными травмами прошлого”. Мемориальцы правы, когда пишут, что в попытки реконструкции национальной памяти как будто исходно включен элемент оправдания собственного народа за всё, что случилось в прошлом – даже если это были деяния недостойные, злодейские, преступные. Сталкивать дурные дела

в забвение присуще не только отдельным личностям, но и целым национальным группам и сообществам. Как ради душевного здоровья отдельного человека необходимо признать свою вину и проявить раскаяние, если хочешь достичь нравственного возрождения, так и для национальных сообществ попытки замалчивать или, что еще хуже, исказить историческую истину и фальсифицировать ее в конечном результате ведут к последствиям, противоположным поставленной цели. Попытка дойти до исторической истины возвращается во втором и третьем поколении, а иногда и через столетия. Примеров тут сколько хочешь. Резня армян турками во время I Мировой войны, уход от расчета с прошлым у австрийцев (здесь в ранг символа выросла неоднократная ложь бывшего президента Австрии Курта Вальдхайма о своем собственном прошлом), у французов (правление Петена), у словаков (правление Тисо), у латышей (преступления латышских дивизий Ваффен-СС), у украинцев – преступления крайних националистов из УПА, ОУН и других формирований, совершённые против собственного народа, но больше всего – против поляков, евреев и других этнических групп, веками населявших Волынь, Подолье и всю Восточную Галицию. Примеры можно умножать. Не свободно от такого рода замалчиваний и фальсификаций исторической памяти и польское общество. Величайшего признания заслуживают те политики в Польше и других странах, которым хватает смелости раздирать свои раны, чтоб они “не заросли шрамом подлости”, как это назвал польский писатель. Поэтому такими бурными и нелегкими были споры в Польше о двух важных книгах Яна Гросса – “Соседи” и “Страх”. Разоблачение преступления, которое совершили при нацистах жители местечка Едвабне против своих еврейских соседей, было для польского общества потрясением. Однако документы, опубликованные Институтом национальной памяти, не оставили никаких сомнений: это преступление совершили поляки. Хвала тем польским политикам, которые, невзирая на протесты различных групп и группировок, нашли силы публично и торжественно осудить то, что случилось в одном из польских местечек, по-христиански проявить раскаяние и просить прощения. После этого акта признания польской ответственности за то, что произошло 65 лет назад, Польша стала лучше, нравственно здоровее, стала больше заслуживать доверия в глазах собственных граждан и международной общественности.

Авторы обращения “Мемориала” о XX веке и “войне памяти” пишут: “Сегодня споры на исторические темы возникают не столько вокруг фактов, сколько вокруг различных

интерпретаций этих фактов”. Это констатация действительного положения, то есть правды, но неполной. К сожалению, самые большие страсти разгораются вокруг таких заявлений и высказываний, которые противоречат очевидным и общеизвестным фактам. Иллюстрация тому – наказуемая по закону “освенцимская ложь”, состоящая в отрицания того, что в гитлеровском лагере уничтожения Аушвиц–Биркенау происходило массовое уничтожение заключенных, в том числе с помощью газовых камер (Vernichtungslager, т.е. лагеря уничтожения были еще в Белжеце, Треблинке, Собиборе, Майданеке, и “опровержение” этих фактов не может быть терпимо). В Советском Союзе – до того, как президент РФ Борис Ельцин передал польской стороне документы, – “опровергали” преступление, совершённое сталинским НКВД против тысяч польских пленных офицеров, расстрелянных в Катыни (из лагеря в Осташкове), Харькове (из Старобельска), Калинин (из Осташкова, погребены в Медном)... Сегодня эти факты неопровержимы. Мы можем размышлять над тем, какими мотивами руководствовались преступники, но начать должны с признания фактов.

Можно лишь выразить благодарность мемориальцам за их честность и порядочность в поисках истины. К их голосу в Польше всегда внимательно и доброжелательно прислушиваются. Это голос настоящих русских друзей.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• “„Ни одна демократия не дала миру столько, сколько польская, и ни одна модель государственного устройства не повлияла на США так, как Конституция 3 мая”, – сказал профессор Джорджтаунского университета Джеймс Б. Коллинз, прибывший по приглашению Конституционного суда на торжества, посвященные годовщине принятия Конституции 3 мая. Профессор подчеркнул, что наша принятая 217 лет назад конституция была второй из „трех сестер” – младше американской, но старше французской. Во всех трех выразились одни и те же устремления. „Главное наследие польской Конституции 3 мая – это свобода людей и признание, что нация – это не только шляхта, но и горожане, и крестьяне”, – сказал Коллинз”. (“Жечпосполита”, 5 мая)

• Данута Хюбнер, первый польский комиссар ЕС, с 2004 г. отвечает за региональную политику: “Несколько дней назад минула четвертая годовщина со дня самого большого в истории расширения Евросоюза. Четыре года назад не только в Варшаве, но и во всех европейских столицах 1 мая праздновалось как день великого торжества идеи европейской интеграции. Членство в ЕС выгодно Польше и полякам. Последние четыре года принесли стабильный рост и развитие, прямо или косвенно связанные со вступлением в Евросоюз (...) За эти четыре года ЕС передал Польше 12 млрд. евро. В 2007–2013 гг. в Польше будет инвестировано еще 67 миллиардов (...) Со времени вступления в ЕС во многих секторах польской экономики наблюдается настоящий расцвет (...) Членство в ЕС повысило и значение Польши на международной арене (...) Расширенный Евросоюз – требовательный партнер по отношению к России (...) Польша сыграла значительную роль в „оранжевой революции” и продолжает играть важную роль, поддерживая интеграцию Украины с ЕС (...) Поляки могут быть довольны достижениям последних четырех лет и имеют все основания, чтобы с оптимизмом смотреть в будущее”. (“Жечпосполита”, 5 мая)

• Согласно опросу ЦИОМа, “88% поляков поддерживают членство нашей страны в ЕС, а 43% считают, что вступление в ЕС принесло им личную пользу”. (“Тыгодник повшехный”, 11 мая)

- “Европе грозит демографическая катастрофа (...) Хуже всего статистика естественного прироста населения выглядит в новых странах-членах, в том числе и в Польше. В нашей стране коэффициент рождаемости составляет 1,27 – столько детей приходится в среднем на женщину репродуктивного возраста. Это слишком мало. Лишь коэффициент рождаемости, равный 2,1, обеспечивает полную смену поколений. „При нынешних показателях поколение наших детей будет на 40% меньше, чем поколение пенсионеров, – говорит бывший министр финансов Станислав Ключа (...) – в течение последних трех лет в Польше был самый низкий коэффициент рождаемости во всем Евросоюзе””. (“Жечпосполита”, 10–11 мая)
- “В 2003–2007 гг. Польша заплатила за миссию в Ираке в общей сложности 830 млн. злотых. Главным образом это были расходы на покупку и модернизацию военной техники, а также прибавки к денежному довольствию (рядовой, служащий в Ираке, получает на руки 2200 зл. плюс 1540 зл. за службу за границей и 110 зл. за каждый день участия в боевых действиях) (...) На все польские миссии в 2002–2008 гг. мы потратили в общей сложности 1,5 млрд. злотых. В этом году к этой сумме прибавится еще более 600 миллионов (...) До сих пор в Ираке погибло 28 поляков, в т.ч. 22 военнослужащих нашей военной миссии”. (“Пшеглэнд”, 6 апр.)
- “„Миссия польской армии в Афганистане будет продлена”, – заверил министр национальной обороны Богдан Клих. Число солдат увеличится с 1,2 до 1,6 тысяч. Польша будет отвечать за провинцию Газни”. (“Тыгодник повшехный”, 6 апр.)
- “Польша – государство в состоянии войны (...) по меньшей мере с 2003 г., когда польские части вошли в состав войск антииракской коалиции. Сегодня они продолжают участвовать в войне в Афганистане и готовятся к новой миссии в Чаде. В боевых операциях задействовано уже 15 тыс. солдат – это десятая часть личного состава польских вооруженных сил”. (Мирослав Чех, “Газета wyborcza”, 6 мая)
- “Виктор Ющенко поблагодарил Леха Качинского за поддержку евроатлантических устремлений Украины на апрельском саммите НАТО. „Спасибо за тот добрый путь, на который мы вступили в Бухаресте, – сказал он вчера в Варшаве (...) – Впервые 26 членов НАТО пришли к консенсусу относительно будущего Украины. Ни один не был против. Я считаю это огромным успехом””. (“Жечпосполита”, 15 апр.)
- “На вчерашней встрече президентов Польши и Украины произошел досадный инцидент. Во время приветствия гостей

не были названы имена и должности присутствовавших в Президентском дворце представителей Польской Православной Церкви. В знак протеста иерархи покинули помещение. Канцелярия президента немедленно отреагировала (...) „Коль скоро канцелярия выразила сожаление, остается надеяться, что это больше не повторится”, – сказал архиепископ Вроцлавский и Щецинский Иеремия”. („Дзенник”, 15 апр.)

- “Открылась Супрасльская академия. Два дня – 1 и 2 марта – продолжались торжества, связанные с освящением (...) „Начинается новый этап жизни Супрасля”, – сказал на открытии конференции митрополит Савва (...) „Я был одним из первых дипломатов, которые 17 лет назад впервые пришли в этот монастырь, – признался консул Белоруссии в Белостоке Михаил Алексейчик. – Сегодня я могу без стыда сказать, что и наше государство внесло сюда свой скромный вклад””. („Пшеглэнд православный”, апрель)

- “Вчера президент Украины Виктор Ющенко вручил Анджею Вайде медаль Ярослава Мудрого. Вечером в Киеве состоялась торжественная премьера фильма „Катынь”. Официальная премьера прошла в полутора десятках километров от Быковни, где во времена СССР были убиты несколько десятков тысяч „врагов народа”, среди них и несколько тысяч поляков из „катынского списка”. Вчера „Катынь” была показана в Харькове, недалеко от места, где в 40-е годы расстреливали противников сталинского режима, в том числе и отца режиссера”. („Газета wyborcza”, 17 апр.)

- “Около месяца назад в Люблине прошла премьера последнего фильма Ежи Гоффмана „Украина. Рождение нации”. Премьерный сеанс состоялся в рамках IX Международных дней документального фильма „Перепутья Европы”. Польша впервые увидела один из важнейших документальных фильмов последних лет (...) Фильм Ежи Гоффмана показывает, что Украине, как и другим странам, есть чем гордиться и есть чего стыдиться”. („Жечпосполита”, 2-4 мая)

- “Пока Польша не изъявила готовности перечислять средства в недавно созданный фонд для соседей ЕС, в частности Украины и Грузии. О намерении финансировать официально открытый Еврокомиссией Инвестиционный инструмент соседства (NIF) для стран-участниц Европейской политики соседства заявили десять государств”. („Газета wyborcza”, 7 мая)

- “Вышеградская группа: Грузию и Украину – в НАТО! Вчера в Праге министры иностранных дел Венгрии, Польши, Словакии

и Чехии подписали заявление о поддержке вступления Грузии и Украины в НАТО". ("Газета выборча", 24 апр.)

- "В своем вчерашнем заявлении президент Лех Качинский призвал Россию воздержаться от действий, которые могли бы нарушить территориальную целостность и суверенитет Грузии. Это была реакция на обещание Москвы укрепить контакты с сепаратистскими республиками – Абхазией и Южной Осетией". ("Дзенник", 18 апр.)

- "Вчера в Тбилиси вылетели специальные посланники президента (...) „Мы ценим поддержку Польши и лично президента Качинского”, – сказал встречавший польскую делегацию министр иностранных дел Давид Бакарадзе". ("Газета выборча", 19–20 апр.)

- "Вчера российские власти отказались пропустить через территорию России польский самолет, в котором должна была лететь в Грузию делегация президента Леха Качинского. После российского „нет” люди президента покинули аэропорт. Через пять часов они полетели в Тбилиси кружным путем". ("Дзенник", 19–20 апр.)

- "Министр иностранных дел Радослав Сикорский войдет в состав делегации ЕС, которая полетит сегодня в Тбилиси, чтобы подчеркнуть солидарность Евросоюза с Грузией. Возглавит делегацию специальный посланник Карл Бильдт – бывший премьер-министр, а ныне министр иностранных дел Швеции (...) Польша по грузинскому вопросу говорит единым голосом". ("Дзенник", 12 мая)

- "„ЕвроПолГаз” подает в суд на „Газпром” (...) Пресс-секретарь „ЕвроПолГаза” Данута Тарковская подтвердила, что в конце февраля компания предъявила иск об уплате счетов за транзит газа в 2006 году. Речь идет о сумме, превышающей 110 млн. долларов, не считая процентов". ("Газета выборча", 6 мая)

- "Россельхознадзор Калининградской области не впустил в Россию рефрижератор с 19,5 тоннами польской говядины (...) „В ходе досмотра мы обнаружили картонную коробку с приблизительно 900 кг говядины, произведенной в ноябре 2006 года, что было указано на этикетках. Мы отправили назад всю партию”, – пояснил Евгений Сафронов из пресс-службы Россельхознадзора". ("Жечпосполита", 23 апр.)

- "Ко всем трудностям в польско-российских отношениях прибавились еще и бобры. Они раскопали границу с Калининградской областью, нелегально построили там

плотины, каналы, создали колонии, так что пограничники могут передвигаться исключительно в амфибиях или на ходулях”. (Мартин Вольский, “Впрост”, 18 мая)

- “20 тыс. долларов в месяц зарабатывают в среднем польские менеджеры в России. Особенно ценятся банковские работники, а также управляющие торговыми сетями и отделениями иностранных фирм. Им в обязательном порядке предоставляют служебную квартиру, машину с водителем, а также доступ к частной медицине и школу для детей”. (“Политика”, 19 апр.)

- “В Польше снижается безработица (...) Ни в одной стране ЕС положение на рынке труда не улучшается так быстро, как у нас. В марте уровень безработицы снизился до 7,7%. Таковы данные Евростата (...) Этот показатель намного лучше, чем в других странах Европы”. (“Дзенник”, 2-4 мая)

- “В первом квартале стоимость банковских депозитов увеличилась на 22 млрд. злотых. Это в пять раз больше, чем в тот же период прошлого года (...) Отчасти это результат повышения процентных ставок и процентов по вкладам. В некоторых банках они достигают 6,5%”. (“Жечпосполита”, 15 апр.)

- “Девять лет назад среднестатистический поляк съедал в год 81 кг хлеба. Сейчас – лишь 65. Это падение потребления вызвано изменением диеты. Считается, что от хлеба полнеют, а поляки стремятся к здоровому питанию”. (“Дзенник”, 12 мая)

- “В прошлом году мы пропили 7,9 млрд. злотых – на 1,3 миллиарда больше, чем в 2006 году (...) В общей сложности, с учетом пива и вина, мы потратили на алкоголь 21,3 млрд. злотых, т.е. столько, столько стоят два наших крупнейших нефтеперерабатывающих предприятия – Польский нефтеперерабатывающий комбинат „Орлен” и Группа „Лотос” (...) По объему потребления алкоголя мы занимаем четвертое место после России, Украины и США”. (“Газета wyborча”, 15 апр.)

- “В 2007 г. рыбаки выловили 19 тыс. тонн трески вместо положенных им 11 тыс. тонн. За это Польше грозил процесс в Европейском суде справедливости и серьезные штрафы. Правительство договорилось с Еврокомиссией, что рыбаки вернут морю долги, т.е. станут ловить меньше трески. В этом году они должны будут вернуть 10% квоты, выловленной в 2007 г., т.е. 800 тонн (их следует отнять от лимита 12,5 тыс. тонн, выделенного нам в этом году). В течение следующих трех

лет это будет уже по 30% в год (...) Брюссель завершит процедуру, связанную с нарушением законодательства ЕС, лишь убедившись, что Польша выполняет соглашение". ("Газета wyborcza", 15 апр.)

- "Группа депутатов Союза демократических левых сил (СДЛС), „Гражданской платформы" (ГП) и „Права и справедливости" (ПиС) требует от министерства экономики запретить в Польше импорт тюленьих шкур из Канады (...) „Правительство должно запретить импорт шкур, так как охота на тюленей очень жестока", - говорит вице-маршал Сейма Ежи Шмайдинский. „Тюленей, главным образом молодых, убивают металлическими палками с шипами", - добавляет депутат Иоанна Скшидлевская (...) Каждую весну в Канаде убивают 300 тыс. тюленей. Запрет на импорт шкур из Канады ввели Бельгия и Голландия". ("Впрост", 11 мая)

- "За смерть Кшиштофа Олевника извинялись бывший и нынешний министры внутренних дел, извинялся генеральный прокурор. „Я не верю ни в какое государство, ни в какую Польшу", - сказала сестра убитого. Немудрено: это государство не оправдало ее надежд. Кшиштоф Олевник, сын бизнесмена из-под Плоцка, был похищен в октябре 2001 года. Почти два года похитители держали его под замком, а в сентябре 2003 г., после того как семья заплатила 300 тыс. евро выкупа, - убили. У полиции и прокуратуры были возможности освободить его, но они оставили без внимания трагедию Кшиштофа и его семьи (...) Влодзимеж и Данута Олевник, отец и сестра похищенного, писали письма, стучались в двери политиков, министров. Всё напрасно. Такого дела в Польше еще не было. Такого заседания юридической комиссии Сейма - тоже (...) Ошибки, а возможно, умышленное бездействие следствия изучает теперь специальная группа полицейских из Центрального следственного бюро, а также Бюро внутренних дел полиции и прокуратуры". ("Газета wyborcza", 24 апр.)

- "Генеральная дирекция Тюремной службы начала дисциплинарное расследование в отношении директора следственного изолятора, директора больницы следственного изолятора и начальника амбулатории (...) Ранее должности лишился заместитель директора Тюремной службы, в Румынии подал в отставку министр иностранных дел, из Польши был отозван румынский консул, а посол понесет финансовую ответственность за невыполнение своих обязанностей (...) В январе румын Клаудио Крулик умер в одной из краковских больниц после четырехмесячной голодовки в следственном изоляторе". ("Тыгодник повсехный", 4 мая)

- “215 больных гемофилией подали в суд на польское государство за заражение гепатитом-С (...) Сегодня в варшавском суде состоится первое судебное заседание (...) Больные требуют по 100 тыс. злотых (...) В Польше опять кончились лекарства [от этой болезни], так как Национальный центр крови слишком поздно объявил результаты конкурса на нового иностранного поставщика (...) В Польше нет технологических возможностей убивать вирусы [гепатита-С в производимых лекарствах], как в случае препаратов, промышленно изготавливаемых за границей”. (“Газета wyborcza”, 5 мая)
- “На президента Польши подала в суд больница: глава государства должен ей 214 тыс. злотых за карету скорой помощи, которая дежурила в Юрате во время президентского отпуска”. (“Тыгодник повсехный”, 4 мая)
- Согласно опросу ЦИОМа, “президента Леха Качинского критикуют 60% поляков (...) Оценки ухудшаются по мере роста образования респондентов: президента критикуют 67% опрошенных с высшим образованием (...) Ухудшаются и оценки работы Сейма. Работой депутатов недовольны 58% опрошенных. Противоположного мнения придерживаются 28%”. (“Газета wyborcza”, 24 апр.)
- “Президент Лех Качинский предоставил польское гражданство Рожеру Геррейро, бразильскому футболисту [в настоящее время играющему в составе варшавской] „Легии”. „Приветствуем нового гражданина Республики Польша с надеждой на успехи нашей сборной”, – сказал Лех Качинский. Рожер отвечал по-португальски. По-польски он знает три слова: „здравствуйте”, „спокойной ночи” и „спасибо””. (“Жечпосполита”, 18 апр.)
- “Восемнадцать лет выводил Йан Лигтхарт новый сорт голландского желто-кремового тюльпана, названного в честь [жены польского президента] Марии Качинской”. (“Впрост”, 4 мая)
- В ответ на вопрос ГфК “Полония”, с каким политиком поляки связывают свои надежды на будущее, 19% опрошенных ответили: с Дональдом Туском, а 4% – с Лехом Качинским. Почти две трети поляков вообще не надеются на политиков. (“Жечпосполита”, 30 апр.)
- Из другого опроса ГфК “Полония” следует, что хотя 70% поляков считают Туска достойным представителем страны за границей, в то же время 45% отрицательно оценивают

способность правительства Туска решать общественные конфликты во внутренней политике. (“Жечпосполита”, 7 апр.)

- Согласно опросу ЦИМО, в начале мая за ГП проголосовали бы 59% поляков, за ПиС – 23%, за СДЛС – 7%, за крестьянскую партию ПСЛ – 6%. По 1% опрошенных проголосовали бы за “Лигу польских семей”, “Самооборону”, “Польскую социал-демократию” и Партию демократов. Избирательный барьер составляет 5%. (“Дзенник”, 12 мая)

- “После смерти Папы число желающих стать священниками уменьшилось в Польше на 30% (...) В 2005 г., сразу же после смерти Иоанна Павла II, их было 1145, в 2006 г., спустя два года после смерти Иоанна Павла II, – 786 (...) В прошлом году число семинаристов уменьшилось на 10% по сравнению с предыдущим годом. Уменьшилось также число кандидатов в монашеские ордена”. (“Польша”, 15 апр.)

- “К раздумьям склоняет тот факт, что епископ [Славой Лешек Глудзь, новый митрополит Гданьский] – заядлый охотник, а его апартаменты украшают оленьи рога. Я невольно представляю себе торжественный момент, когда прицел и мушка совмещаются между глаз косули... И благодаря указательному пальцу иерарха совершается чудесное превращение жизни в смерть”. (Томаш Яструн, “Ньюсуик-Польша”, 18 мая)

- “„Репортеры без границ” и Томаш Багинский сняли мультипликационный фильм о насилии в Китае. Фильм Багинского начинается со сцены расстрела: приговор приводится в исполнение выстрелом в затылок (...) Затем трупы бросают на конвейер и подвергают дальнейшей обработке. У них вырывают золотые зубы (...) Собранные золотые зубы попадают в плавильный котел, жидкое золото льют в формы (...) В следующей сцене представитель китайского руководства, выпятив грудь, в сопровождении двух девушек под крики ликующей толпы на монументальном стадионе вешает золотые медали на шею счастливым победителям”. (“Жечпосполита”, 24 апр.)

- Согласно опросу ЦИОМа, “87% поляков осуждают действия Китая в Тибете. В то же время 49% не хотят, чтобы на Олимпиаде польские спортсмены выразили протест против нарушения прав человека китайскими властями”. (“Газета wyborча”, 7 мая)

- Министр спорта Мирослав Джевецкий: “Раз премьер-министр Туск решил не ехать на Олимпиаду, значит все министры нашего правительства подчинятся ему”. Директор

политического кабинета премьер-министра Славомир Новик:
“Для нас Олимпиада – это, помимо всего прочего, еще один случай, чтобы обратить внимание на вопрос прав человека в Китае”. (“Жечпосполита”, 7 апр.)

- “Китай недоволен приглашением Далай-ламы в Польшу, сообщил маршалу Сената Богдану Борусевичу представитель премьер-министра Китая Юань Гуйсен (...) Маршал (...) хотел вручить Юань Гуйсену список 400 китайских политзаключенных, однако тот попросил передать его через посольство”. (“Газета wyborcza”)

- “Правительство КНР подвергло критике Варшавский городской совет за защиту тибетцев и приглашение Далай-ламы. В направленной в [польский] МИД ноте китайцы требуют, чтобы это не повторилось (...) МИД ответил, что он “не уполномочен” давать указания независимому органу местного самоуправления (...) Депутата от СДЛС Анджея Голимонта радует интерес китайских властей к работе горсовета Варшавы (...) А вот Кароль Карский из ПиС был удивлен столь серьезному отношению правительства КНР к варшавскому местному самоуправлению (...) „Мы всего лишь представили свою позицию по вопросу Тибета. Мы обязаны реагировать, когда нарушаются права человека”, – прокомментировал сложившуюся ситуацию депутат от ГП Ярослав Шостаковский”. (“Газета wyborcza”, 25 апр.)

- “После многочисленных перипетий 18-летняя тибетская беженка Чиме Янгдон попала в Польшу. Она уже провела один день в польской школе (...) 15-летняя Лодролма и 12-летняя Сонам – две сестры из Тибета, которые уже некоторое время живут в Польше, – бросились на шею своей соотечественнице (...) “В нашей школе учатся дети из Чечни, Белоруссии, Сомали, Анголы, Шри-Ланки, Уганды. В общей сложности таких учеников у нас несколько десятков”, – сказала директор гимназии Кристина Старчевская”. (“Дзенник”, 10–11 мая)

- “Агенты вьетнамской госбезопасности допросили в Польше несколько десятков вьетнамцев. Такую возможность предоставили им польские власти на основании подписанного в апреле 2004 г. договора о выдаче и приеме граждан двух стран (...) „Всех, кого допрашивает А-18, высылают во Вьетнам. Депортации происходят необыкновенно быстро. Это выглядит так, будто кто-то убирает неудобных свидетелей”, – утверждает защитник прав вьетнамцев в Польше Роберт Кшиштонь (...) „С 1 марта по 23 апреля мы депортировали 32 граждан Вьетнама”, – подтверждает пресс-секретарь

Пограничной охраны полковник Войцех Леховский”. (“Газета выборча”, 28 апр.)

- “Вчера утром умерла Ирена Сендлер, которая во времена Катастрофы спасла более 2,5 тысяч детей из варшавского гетто. Ей было 98 лет. В прошлом году ее кандидатура была выдвинута на Нобелевскую премию мира (...) Начиная с 1942 г. Ирена Сендлер руководила детским сектором Совета помощи евреям „Жегота”, организуя эвакуацию еврейских детей из гетто (...) В 1965 г. Государство Израиль удостоило ее звания „Праведник среди народов мира” (...) В 2003 г. она была награждена орденом Белого орла”. (“Дзенник”, 13 мая)

- “Анджей Вольф снимает полнометражный документальный фильм об Ирене Сендлер. В его распоряжении более восьми часов ранее не использовавшихся материалов. Вольф дополнит их игровыми сценами”. (“Жечпосполита”, 13 мая)

- “Перед памятником Героям гетто в 65-ю годовщину со дня начала восстания (...) „От имени всех поляков я низко кланяюсь бойцам восстания в гетто”, – сказал президент Лех Качинский. Затем слово взял президент Израиля Шимон Перес. „...Появилось еврейское государство, занимающее ведущие позиции в мире в области сельского хозяйства, медицины и современных технологий. Такова наша месть”, – сказал он (...) На встречу с президентами Лехом Качинским и Шимоном Пересом пришли ветераны восстания в гетто, участники восстания в лагере уничтожения Собибор и Варшавского восстания. „Такие встречи возможны только в Варшаве, где земля пропитана польской и еврейской кровью, – сказал Шимон Перес. – Между польским и еврейским народами существуют кровные узы” (...) Президент Качинский напомнил: „...Для евреев наша страна была отчизной””. (“Газета выборча”, 16 апр.)

- Из интервью с Йозефом Маловани, самым известным еврейским кантором: “В молитве, которую я пел сегодня здесь, в Варшаве, жертвам Катастрофы, я, разумеется, осудил немцев. Но, помимо этого, я упомянул и об их пособниках. Я не назвал поляков, хотя не подлежит сомнению, что многие поляки принимали активное или пассивное участие в этой трагедии (...) В те времена в Польше, как и во всем мире, были люди, которые помогали, и люди, которые ненавидели. Некоторые прятали евреев, а другие их предавали”. (“Дзенник”, 16 апр.)

- Президент Лех Качинский на встрече с президентом Шимоном Пересом: “Случались акты, которые я бы назвал уголовщиной. Я этого не отрицаю. Однако власти Польши не

предпринимали по отношению к нашим еврейским согражданам, а также к лицам еврейской национальности, не являвшимся польскими гражданами, никаких действий, которые могли бы привести к их смерти (...) В Польше был антисемитизм, но он не имел ничего общего с геноцидом”. (“Дзенник”, 17 апр.)

• Збигнев Глюза, директор Центра “Карта”, собирающего и публикующего документы по истории Польши и Восточной Европы в XX веке: “В Польше есть несколько тысяч „Праведников среди народов мира”. Тех, кто ненавидел евреев, были сотни тысяч. Скрыться от Катастрофы в польской среде было очень трудно. Как правило, евреи теряли надежду: им нигде было укрыться от немецких палачей. Грех поляков заключался не столько в убийстве, сколько в том, что убиваемых лишали надежды (...) Нужно честно разобраться во всем, что происходило тогда на польской земле”. (“Газета wyborcza”, 5-6 апр.)

• “Вчера в рамках V Международного кинофестиваля „Еврейские мотивы” кинотеатр „Муранов” посетила (...) одна из создательниц замечательного фильма „Медуза” Ши́ра Геффен (...) „Когда-то здесь жило множество евреев – 70% довоенной диаспоры, – и было бы хорошо знать, как выглядела эта наша совместная жизнь с поляками. В Варшаве жили мои бабушка с дедушкой – к сожалению, я не знаю, где. У них была сапожная мастерская. Там, где мы сейчас сидим, было гетто, и в каком-то смысле я до сих пор это чувствую. Варшава полна печальных воспоминаний и негативных вибраций”, – сказала Ши́ра Геффен”. (“Жечпосполита”, 24 апр.)

• Из интервью с Томашем Лабушевским: “Вы – создатель выставки „В объятиях Старшего брата. Советский Союз в Польше. 1944-1993”, которая откроется сегодня в варшавском Музее независимости. Выбор первой даты понятен. Но почему экспозиция заканчивается 1993 годом?” – “Потому что тогда, после 49 лет оккупации, Польшу покинула советская армия”. (“Жечпосполита”, 25 апр.)

• Остатки следственного изолятора НКВД в подвалах дома в варшавском районе Влохи могут попасть в список памятников старины. На стенах видны нацарапанные на кирпичах надписи и подписи узников. В дверях до сих пор сохранились глазки. (“Жечпосполита”, 13 мая)

• “В этом году исполняется 140 лет со дня рождения (18 мая) и 90 лет со дня мученической смерти (17 июля) последнего русского царя Николая II (...) В Беловеже он был целых шесть

раз. Впервые он приехал сюда в 1894 г., еще будучи наследником престола. Тогда он сопровождал своего отца Александра III (...) В последний раз он побывал в Беловеже 22 июня 1915 года (...) К сожалению, не сохранился главный объект, царский дворец, сгоревший в июле 1944 года (...) Умерли и жители Беловежа, которые были свидетелями приездов царя (...) Остались лишь воспоминания..." (Петр Байко, "Пшеглёнд православный", апрель)

- "Главный хранитель природы не согласился на вырубку 150 дубов в Кнышинской пуще до рассмотрения апелляции экологов (...) Воеводский хранитель природы Анна Радзеёвская дала разрешение на вырубку, причем немедленную. Защитники природы обратились к министру охраны окружающей среды с требованием приостановить действие разрешения (...) „Мы не вывезем даже те деревья, которые уже срубили”, – говорит лесничий из Чарной-Белостоцкой Казимеж Антовский". ("Газета wyborcza", 24 апр.)

- "Ремигиуш Жуковский – депутат местного совета в Выдминах. Один из жителей рассказал ему о вырубке деревьев вдоль дороги (...) Жуковский сообщил об этом в Лесную охрану. „Сотрудник охраны выехал на место, а вернувшись сказал, что у рабочих есть разрешение войта", – рассказывает депутат. В экологическом обществе он узнал, что это невозможно, так как с 15 марта по 31 июля продолжается период гнездования и рубка запрещена (...) Жуковский сообщил в полицию. Полицейский приехал и констатировал, что рубка ведется с разрешения войта (...) Он предложил депутату выбор: штраф за ложный вызов или иск в суд (...) „Пришлось заплатить 200 злотых", – рассказывает Жуковский". ("Газета wyborcza", 22 апр.)

- "Они впервые в жизни увидели медведя. И убили его. В ближайший вторник начнется первый в Польше процесс по делу об убийстве медведя (...) Иоланта и Михал женаты больше трех лет. Михалу – 30, по образованию он пекарь, работает столяром на мебельной фабрике. Иоланта на шесть лет младше, закончила общеобразовательный лицей, работает секретаршей на той же фабрике. Там же работает и ее приятель Даниэль, обойщик. Он и его жена Беата приехали в Татры в первый раз (...) Из рассказа Даниэля: „...Мы схватили мишку и скатились к ручью (...) Потом стали держать морду медведя под водой. Когда он перестал дергаться, мы отпустили его. Михал взял камень и раза три ударил медведя по голове" (...) Медвежонок весил 46 кг (...) Ему было меньше двух лет, он совсем недавно оторвался от матери". ("Газета wyborcza", 18 апр.)

ПАМЯТИ ИРЕНЫ СЕНДЛЕР

Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше:

Ее сердце было храмом храмов

Ирене Сендлер присвоили звание “Праведник среди народов мира”, но, по-моему, она была праведной из праведных. Она спасла от Катастрофы тысячи детей.

Согласно Талмуду и еврейской традиции, кто спасает одного человека, спасает весь мир, потому что каждый человек подобен вселенной. Ирена Сендлер спасла тысячи миров. Когда шло уничтожение еврейского народа, она проявила великую отвагу. И ее дело спасения народа продолжается – ведь у каждого из спасенных ею детей есть своя семья.

Мы многократно спрашивали нашего общего Бога: “Неужели Ты не слышал воплей Своего народа? Неужели Ты закрыл глаза? Где Ты был тогда?” Ответа нет до сих пор. Но у меня есть свой маленький ответ. Бог был в сердцах праведников, а ее сердце было храмом храмов. Я встречался с Иреной Сендлер несколько раз, и каждый раз у меня было впечатление, что я прикасаюсь к святыне. Такое впечатление у меня было еще один раз – когда я встретился с Иоанном Павлом II.

У поляков и евреев есть три общих героя: Иоанн Павел II, Януш Корчак и Ирена Сендлер.

Gazeta.pl

Архиепископ Юзеф Жицинский:

Ирена Сендлер – нравственный авторитет,

а ее жизнь и позиция – это тихий героизм “без шума”

Для меня жизнь пани Ирены – яркое свидетельство того, как много среди нас тихих, незаметных героев, занимающих ту же позицию уважения к человеку, которую они отстаивали когда-то с риском для жизни.

Весьма символично, что Ирена Сендлер удостоилась как звания “Праведник среди народов мира”, так и ордена Белого орла.

Для меня такое совпадение оценок двух разных обществ, еврейского и польского, – красноречивое свидетельство уважения к тем нравственным авторитетам, которые живут среди нас, не создавая вокруг себя шума, и учат нас ответственности за ценности, за которые в свое время они могли заплатить цену жизни.

Жаль, что ее уже нет. Будем надеяться, что Бог на небесах воздаст ей за то, что она сделала на земле. А сами мы должны учиться искать нравственные авторитеты вокруг нас, хоть некоторые и утверждают, что единственная реальность – это нигилизм и пустота. Своей жизнью пани Ирена решительно опровергала подобные мнения.

ПАП

Михаэль Шудрих, главный раввин Польши:

Она была примером для всех людей во всем мире

Ей не успели присудить Нобелевскую премию мира, но она сказала мне, что уже получила две, потому что есть две школы ее имени. Сегодня в 11 часов я был в варшавской гимназии на торжественном присвоении ей имени Ирены Сендлер. Это третья Нобелевская премия, которую она получила.

Gazeta.pl

ДОСТОЕВСКИЙ И СВЕДЕНБОРГ

В первые два десятилетия после смерти Достоевского появилось чрезвычайно мало трудов, посвященных ему. 1900 год можно считать поворотной точкой, поскольку с этого времени количество публикаций, сперва на русском, а потом и на других языках, стало мало-помалу возрастать. К середине нашего столетия канон исследований Достоевского прочно установился, так что появление каких-то новых направлений, кажется, едва ли возможно. Сегодня, что бы нас ни интересовало – взгляды писателя, или его стилистические приемы и структура его романов, мы видим, что практически каждый метод исследования хоть одним из наших предшественников да опробован. Таким образом, Достоевский, как и Ницше, был открыт и оценен в первой половине XX столетия. Именно в это время он достиг того положения, которое занимает сейчас, и именно тогда он был признан предшественником нового направления в европейской литературе и философии.

Совершенно естественно, что когда прошлое отступает, изменяются перспективы, а иные мыслительные ходы, которые некогда казались универсальными, обнажают свою условную природу. Оказывается, эти ходы оставляют белые пятна и ненамеренные пробелы – а тем временем возникают новые вопросы, касающиеся значения Достоевского как исторического феномена. В этом эссе мы играем некоторыми интерпретациями Достоевского, которые могут появиться в будущем, когда нынешние переходные концепции уйдут в прошлое. И тут появляется имя Эммануила Сведенборга, которое может служить полезным катализатором.

Сведенборга можно пристегнуть к Достоевскому в двух отношениях. Во-первых, из-за культурного отставания русская интеллигенция столкнулась с внезапным интенсивным напором западного научного мышления, когда столетия сжались до нескольких десятилетий. Поэтому Достоевский как религиозный мыслитель во многих отношениях близок к западным мыслителям, которые задолго до него сопротивлялись разлагающему удару научных новшеств. Не так уж редко он напоминает Паскаля и даже звучит прямо как Паскаль. В конце концов, в XVII веке Паскаль был самым значительным из писателей, которые посвятили себя защите

веры от скептиков. Да и Век Разума, воплощенный Вольтером, так же угнетал Достоевского, как и наука девятнадцатого века, которую воплощал для него Клод Бернар (“Бернарди” в “Братьях Карамазовых”). Как богослов, бросавший вызов рационалистической науке своего времени, Сведенборг обращается к агрессивной интерпретации христианства, и аналогичные тенденции можно обнаружить у Достоевского.

Второе связующее звено связано с заимствованиями у Сведенборга, которые есть у Достоевского. Чтобы доказать их, совершенно не требуется натяжек, так как книги из домашней библиотеки Достоевского дают нам своего рода материальное доказательство. Каталог этой библиотеки, изданный в 1922 г. Л.Гроссманом, содержит три таких книги: А.Н.Аксаков “Пять глав Евангелия от Иоанна с изложением и толкованием их духовного смысла по „науке о соответствиях”” (Лейпциг, 1864); А.Н.Аксаков “О земле, мире духов и Небесах, как их видел и слышал Сведенборг”, перевод с латыни (Лейпциг, 1863); А.Н.Аксаков “Рационализм Сведенборга. Критическое исследование его учения о Священном Писании” (Лейпциг, 1870). А.Н.Аксаков был главным в России адептом спиритизма, или, как мы сказали бы сегодня, парапсихологии – об интересе к этим явлениям Достоевский сурово отзывается в “Дневнике писателя”. Тем не менее именно из книг и переводов Аксакова он узнал о Сведенборге, и из этих книг почерпнул то, что соответствовало его целям.

Сведенборг в первой половине XX столетия

В первой половине нашего века немало внимания уделялось так называемому символизму в поэзии, и странно, что, несмотря на эти увлечения, Сведенборг был малоизвестен. Ведь “Соответствия” Бодлера, стихотворение ключевое для символистской поэзии, обязано Сведенборгу своим названием и содержанием. Достаточно было бы простого любопытства, чтобы обратиться к первоисточнику, а не к его производным. Истина в том, что у каждой эпохи есть своего рода пыльная комната, где хранятся презируемые реликты прошлого. Там и остался Сведенборг, вместе с шарлатанами, магами и ясновидящими не столь уж разумного Века Разума – как граф Калиостро, граф Сен-Жермен и основатель “мистических лож” во Франции Мартинес Паскалис. Слишком это было рискованно – принять Сведенборга всерьез. И потом, никто не знал, что с ним делать.

Ни современников его, ни потомков не стоит так уж упрекать за это пренебрежение. Слишком необычны были устремления Сведенборга. Широко известный ученый, работавший в разных

областях – от геологии до анатомии, член Шведского королевского совета горного дела, он после внезапно посетившего его видения забросил свои научные труды и занялся сочинением многотомного труда, посвященного его путешествию через Ад и Рай и разговорам с духами. Он по-прежнему часто бывал в высшем обществе, к которому как королевский советник принадлежал, и хотя утверждал, что в то же время посещает иной мир, его юмор и любезность разоружали всех, кто готов был назвать его безумцем. После его смерти в 1772 г. когда его труды были переведены на английский, несколько новообращенных организовали Сведенборгианскую церковь Нового Иерусалима. Романтизму Сведенборг в свою очередь пригодился для его собственных нужд. Для романтизма прельстительней всего была идея эфирного, спиритуального мира, противостоящего материальному миру: именно это, хотя и не вполне справедливо, видели они в трудах Сведенборга. “Серафита” Бальзака – пример этой ложной интерпретации.

В дни Бальзака и Бодлера сведенборговская легенда еще была жива, но в последующие десятилетия она начала увядать. В тот период, который нас интересует, а именно в первой половине XX столетия, Сведенборг был в лучшем случае загадкой, привлекавшей внимание исследователей умственных расстройств. Достаточно упомянуть два первостепенных имени, которые хорошо показывают, какой несерьезной, если не никчемной фигурой был Сведенборг в глазах людей той эпохи.

Первое имя – это Карл Ясперс, опубликовавший в 1922 г. свое исследование шизофрении; он выбрал Ван Гога, Сведенборга и Гёльдерлина в качестве знаменитых шизофреников. Второе имя – Поль Валери, чье эссе о Сведенборге написано в 1936 году. Валери некогда был в центре символистского движения и как блестящий эссеист несколько десятилетий господствовал на французской литературной сцене. В своем эссе он признаётся, что для него Сведенборг всегда был не более чем литературным мифом и что всякий раз, когда он читал автора, которому посвящено его эссе, тот вызывал у него удивление. Эссе Валери написано в качестве предисловия к французскому переводу книги о Сведенборге французского исследователя Мартина Ламма. В этой книге нет ответа на вопрос, который в первую очередь занимал Валери: “Как Сведенборг был возможен?” Он искал собственное решение, отвергая общепринятые гипотезы, такие как душевная болезнь или шарлатанство. Психологические объяснения, которые предлагает сам Валери, выглядят еще менее убедительно, чем выдвинутая Ясперсом

гипотеза душевного расстройства, и выдают свойственный Валери позитивистский уклон. Его не слишком удачное эссе позволяет нам разглядеть позитивистскую подкладку французского символизма в его изначальной двойственности. Для Валери видения Сведенборга – это род галлюцинаций, то есть особого состояния между сном и бодрствованием. Возможно, мы не проявим такого уж высокомерия, если прочитаем в этом утверждении (тем более что в нем недостает обычной для Валери остроты) свидетельство его неверия в творения человеческого разума. Он проявляет немалый такт и выражает свое уважение, когда речь идет о “подлинной” реальности природы или общества. Другая реальность, будь она достоянием художника или визионера, – это совершенно автономная, внешняя область, где правда и иллюзия имеют одинаковые основания.

Сведенборг был не единственным писателем, который вызывал тогда такого рода досаду. Другим был Уильям Блейк. Вопрос о душевной болезни Блейка всерьез обсуждался в начале века, и хотя его поклонники отвергали это как нелепость, их труды были в тридцатые-сороковые годы известны немногим. То, что сейчас Блейк стал одной из ведущих фигур английской литературы – свидетельство того, что отношение к нему изменилось. И, конечно, знакомство с Блейком пробудило интерес к Сведенборгу, не только потому, что Сведенборг влиял на Блейка, но и потому, что Сведенборг становится более понятен, если подойти к нему с Блейковскими критериями.

Давайте зададим наивный вопрос: в самом ли деле Сведенборг путешествовал по аду и раю и имели ли место на самом деле его беседы с духами? Самоочевидный ответ: нет. В действительности он лишь верил, что в некий момент – скажем, на светском приеме или во время прогулки по саду – он прикоснулся к иному миру. Все происходило только в его сознании. Приходится допустить, что Ясперс был прав в своем вердикте: шизофрения. Мы бы заметили, что уже романтизм воспринимал Сведенборга так же, как и позднейшая позитивистская психиатрия, – иными словами разрыв между материальным (подлинным) и духовным (иллюзорным) включался в ряд фантомов, порожденных человеческим сознанием, пусть со знаком “плюс”, а не “минус”. Однако, если воспользоваться при чтении Сведенборга помощью Блейка, картина меняется радикально. Заданный только что вопрос и данный на него ответ были бы отвергнуты Блейком, как абсурд. Блейк читал Сведенборга так же, как Данте: для него это были проявления высшей человеческой способности, Воображения, благодаря которому все люди однажды присоединятся к

Божественному Человечеству. Благодаря Воображению духовные истины приобретают видимые формы. Хотя Блейк во многом не соглашался со Сведенборгом, он чувствовал себя куда ближе к его системе, чем к системе Данте, которого он обвинял в атеизме. “Бракосочетание Ада и Рая” Блейка основано на мотивах Сведенборга, и он был бы удивлен, если бы его спросили: действительно ли он видел ангелов и демонов, которых описывает. Ключевая проблема – содержащая серьезный вызов нашему сознанию – заключается в том, что Блейк равно уважал воображение Данте, который был поэтом, и воображение Сведенборга, чьи труды написаны скучноватой латинской прозой. Данте рассматривался современниками как человек, посещавший иной мир. Однако Ясперс не считает его шизофреником, поскольку право поэта выдумывать – то есть лгать – рассматривалось в эпоху Ясперса как нечто самоочевидное. Нелегко осознать выводы из эстетических теорий, которые появляются как ошметки научно-технической революции. Сила привычки заставляет нас воскликнуть: “Ну, значит, Сведенборг писал беллетристику – и сам понимал, что это всего лишь беллетристика!” Но в такой формулировке это утверждение не соответствует действительности. Ни Сведенборг, ни Блейк не были эстетами, и они не окружали духовное областью искусства и поэзии и не противопоставляли его материальному. Поскольку мы рискуем упростить вопрос, если будем использовать четкие определения, скажем, что оба они в первую очередь имеют дело с *энергией*, которая проявляет себя в постоянном проникновении воображения в мир вещей, постигаемых нашими пятью чувствами.

Сведенборгианские элементы в “Преступлении и наказании”

Доктрина “соответствий” подробно раскрыта в “Аде и рае” Сведенборга, который Достоевский прочитал в переводе Аксакова, по-видимому, во время своего пребывания в Германии в 1865 году. Обратим внимание на место и дату публикации: “Лейпциг, 1863”. Роман “Преступление и наказание” начат в Висбадене в 1865 году. То, что бодлеровские “Цветы зла” многим обязаны Сведенборгу, общеизвестно, но, на мой взгляд, в “Преступлении и наказании” тоже содержатся явные следы влияния Сведенборга. Большой фантасмагорический город, хотя бы Париж, буквально именуется Бодлером “*cit  infernale*”, но Петербург, в котором Раскольников преследуют кошмары, тоже кажется современной формой дантовского ада. Это описание содержит подразумеваемый отклик на доктрину соответствий. Чтобы это звучало убедительнее, пришлось бы привести многочисленные

отрывки из Сведенборга. Однако в короткое эссе они не уместятся, поэтому мы ограничимся несколькими фразами.

“Тому, что соответствия в наши дни неизвестны, – пишет Сведенборг, – есть несколько причин, из коих наиглавнейшая в том, что человек отторг себя от Рая любовью к себе и любовью к миру” (“Ад и рай”). Утраченное видение охватывает творение как единое целое, поскольку “весь природный мир имеет соответствия в мире духовном, и не только весь природный мир, но и каждая отдельная в оном частность; следствия же где-либо в мире природном, кои вытекают из мира духовного, именуются Соответствиями”. Добродетельный муж в своей душе есть часть духовного мира, а потому “каковые следствия не были бы явлены в теле, сиречь в словах, в лице или в телесном движении, они суть соответствия”. Может быть, основа учения Сведенборга выражается в том, что оно несет в себе антропоцентрическое видение, на которое намекает христианство в своем экстремальном варианте. Максима “что наверху, то и внизу” всегда была характерна для герметических христианских движений с их системой зеркал, поскольку согласно их верованиям макрокосм отражается в микрокосме, и эти соответствия можно найти во всей традиции алхимиков и Якоба Бёме. Но Сведенборг идет еще дальше: для него весь космос в его единственно верной сущности, небесной и духовной или инфернальной, имеет человеческие очертания: “Явлено было, что все Небеса отражают облик единого человека, что имеют они очертания человека и посему зовутся Величайшим Человеком”. Как следствие из этого, все человеческое приобретает чрезвычайную важность, ибо если этот мир, к которому мы применяем законы физики и химии, существует, то он может предопределять человеческую фантазию через архетипы и человеческую речь через систему знаков^[1]. Любой человек может жить в постоянном родственном союзе с Величайшим (Космическим) Человеком – иными словами, жить в Раю. Но он может также избегать этой участи и водиться с Космическим Злодеем – иными словами, жить в Аду. Умирая, он оказывается в одном из множества “раев” и “адов”, представляющих собой не что иное, как общества, образованные людьми одинаковых наклонностей. Любой рай и ад – это точное воспроизведение душевных состояний, перенесенных человеком на земле, и они соответствующим образом воплощаются – как сады, рощицы, закоулки большого города. Таким образом всё воспринятое на земле пятью чувствами будет сопровождать человека как источник радости или страдания, так же, как алфавит, однажды выученный, может складываться в книгу, радующую или гнетущую. Сведенборг был не единственным, кто

обнаружил эти странные масштабы – масштабы человеческого внутреннего мира. Другие тоже искали противовес миру ученых, постижимому как механизм, видимый извне: Беркли со своим *esse est percipi* (существовать – это быть постижимым), Кант со своими категориями сознания и, разумеется, Блейк. То, что Сведенборг положил в основу своей системы сознание и образы, было по очевидной причине привлекательно и для романтиков, и для символистов. И всё же они вступали в противоречие с его первоначальной идеей, ибо смещали акценты. Соответствия – это не символ, который может по своей воле избрать некий поэт или романист. Если здесь используется слово “символ”, то оно означает “объективный символ” – то есть предзаданный Богом и определяющий структуру природы и человеческого воображения. Визионер, пророк открывает их, и Сведенборг, который претендовал на пророческую роль, расшифровывает их с помощью тайных смыслов Библии. Все это имеет мало общего с литературой, по крайней мере постольку, поскольку это его самого заботило. Он не стремился создать основу для легитимизации неконтролируемой субъективности или для постулирования демократического равенства субъективных символов и метафор. Правда, многие поэты не считают все символы равносильными, и выше ценят те из них, которые основаны на архетипах. Но это отдельная тема, Достоевскому чуждая, по крайней мере на сознательном уровне.

В “Преступлении и наказании” улицы Петербурга, пыль, вода каналов, лестницы доходных домов описываются с точки зрения Раскольникова и потому приобретают свойства, присущие его горячечному состоянию. Его сны, его комната, похожая на гроб, и сам город вовлекаются в богатую символами внешнюю структуру романа. Все это достаточно знакомо читателям раннего Достоевского и кажется лишь обострением приемов, уже использованных в “Двойнике” или в “Хозяйке”. Однако есть один персонаж, у которого слишком много общего с духами Сведенборга, чтобы подвергать сомнению его прямое происхождение из книги “Ад и Рай”. Можно с уверенностью сказать, что многие читатели и исследователи чувствовали в нем некий экзотический элемент, прежде не встречавшийся в романах Достоевского. Пусть в имени, появлении и поведении Сони есть немало символизма – в Свидригайлове мы чувствуем иную величину, как будто он пришел извне и вернулся оттуда, несмотря на его осязаемое присутствие и подразумеваемую биографию. Всё в нем: то, как он посещает Раскольникова впервые, его жесты, его речи и его сны – выглядит как свиденборгианские соответствия. Если посмотреть на него под этим углом, он, пусть живой, кажется меланхолическим

обитателем ада. Заметим в скобках, что явная идентификация Достоевского со Свидригайловым замечалась критиками, но никто, насколько мне известно, не ссылаясь в подтверждение этой гипотезы на имя героя. Достоевский не был безразличен к происхождению своей фамилии и любил вспоминать о своих предках – дворянах, владевших в Великом княжестве Литовском имением Достоево. Среди литовских правителей XV века был великий князь Свидригайло, фигура, в истории хорошо известная. Больше ни один из персонажей Достоевского не носит литовского имени. Но раскрывать мелкие авторские секреты – игра довольно пустая. Важно другое – что любовь к себе как центральная тема появляется в “Преступлении и наказании” в двух формах: одну представляет Раскольников, который постепенно узнаёт о ее силе, вторую – его двойник Свидригайлов, которому и узнавать нечего, ибо он осведомлен о своей дурной натуре и ощущает тяготеющее над ним вечное проклятие. Любовь к себе, по Сведенборгу, характерна для всех обитателей адского царства, которые, однако, бесконечно отличаются друг от друга. Приведем цитату: “Всяческое зло, яко и всякое добро, бесконечно многообразно. Сия истина непостижима тем, кои имеют одну простую идею касательно каждой из разновидностей зла, как то надменность, злоба, гнев, мстительность, похоть и всякое иное зло. Но да будет им известно, что у каждого из сих зол есть столько разновидностей, а у каждой из оных разновидностей, в свою очередь, столько разновидностей особенных или частных, что и толстого тома не достанет, дабы их перечислить. Ады столь тщательно разделены в соответствии с различиями каждого зла, что и представить себе нельзя ничего, устроенного совершеннее и правильнее. Очевидно, стало быть, что и адам несть числа”. Раскольников – интеллектual XIX столетия, который отрицает ад и рай, как их описывает христианская иконография, и вместе с ними отвергает бессмертие. Диалог на эту тему между ним и Свидригайловым – один из самых странных в мировой литературе:

“– Я не верю в будущую жизнь, – сказал Раскольников

Свидригайлов сидел в задумчивости.

– А что, если там одни пауки или что-нибудь в этом роде, – сказал он вдруг.

„Это помешанный“, – подумал Раскольников.

– Нам вот все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте

себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится.

– И неужели, неужели вам ничего не представляется утешительнее и справедливее этого! – с болезненным чувством вскрикнул Раскольников.

– Справедливее? А почему знать, может быть, это и есть справедливое, и знаете, я бы так непременно нарочно сделал! – ответил Свидригайлов, неопределенно улыбаясь.

Каким-то холодом охватило вдруг Раскольникова при этом безобразном ответе”.

Можно ли допустить, что этот образ личного ада не позаимствован прямо у Сведенборга? Пауки, тарантулы, скорпионы как символы зла так постоянно присутствуют в поздних произведениях Достоевского, что заслуживают обращения к Соответствиям. Следующий отрывок из Сведенборга прямо говорит, что существуют ады, построенные вне соответствий с вещами, которые постижимы чувствами: “Некие из адов имеют обличье развалин городов и домов после великого пожара, и там селятся и укрываются адские духи. В адах же более мягких имеются грубые хижины, порою образующие подобие городов с улицами и проездами, и внутри домов адские духи погрязают в бесчисленных спорах, ссорах, вражде и грубости; на улицах и в проездах бесчинствуют воры и разбойники”. Конечно, ввиду бесчисленного разнообразия адов, найдется место и для сельской баньки с пауками.

Свидригайлова мучают постоянно посещающие его призраки, но он не готов отмахнуться от них как от иллюзии. Он склонен думать: “Призраки здесь – это, по сути, обрывки или фрагменты иных миров либо их зачатки. Сны, которые он видит незадолго до самоубийства, так ярки, что скорее напоминают видения, чем последовательность смутных образов, связанных причудливой логикой. Их ужас превосходит даже те сны, что снятся Раскольникову после убийства, и мы не так уж ошибемся, если будем воспринимать “Преступление и наказание” как роман, лишь на одном уровне посвященный своеволию Раскольникова, – на более глубинном уровне речь идет о другом преступлении и другом наказании – об изнасиловании ребенка, совершённом Свидригайловым, и его самоубийстве. Но есть ли основания думать, что Свидригайлов действительно виновен в этом преступлении? Не обязательно. Гроб четырнадцатилетней девочки, лежащей в цветах, как шекспировская Офелия, может привести нас к мысли о том,

что он растлил малолетнюю девицу, которая покончила с собой. Если и так, он весьма чувствительный дьявол, потому что в следующем сне жертва превращается в пятилетнюю девочку и он пугается, когда она внезапно открывает глаза и смотрит на него “блестящим, бесстыдным взглядом”. Относительно предполагаемого преступления Свидригайлова читатель оказывается в таком же положении, что и биографы Достоевского, которые знают, что у него была навязчивая идея на сей счет, но не могут с уверенностью сказать, на самом ли деле он изнасиловал маленькую девочку. Как в “Преступлении и наказании” самая сердцевина зла оказывается связана с изнасилованием ребенка, так же и в “Бесах” Ставрогин, пусть он и приютил в своем сердце всех бесов России, признаётся – в своей “Исповеди” – в том же самом грехе. И все же его разговор с Тихоном ставит читателя в тупик. Невозможно с уверенностью сказать, что Ставрогин в самом деле вел себя так, как признаётся. Цель его исповеди, отразившаяся в уродливости ее стиля, отмечает Тихон: со стороны Ставрогина это вызов, а не искреннее раскаяние. Он не просит прощения – он стремится спровоцировать ненависть и презрение. Если это влияет на стиль, то влияет и на содержание – а значит, вся история изнасилования может оказаться выдумкой. Кажется, с недавнее Достоевского чувство вины постоянно искало выражения через символическое событие, которое возвращалось вновь и вновь как некое зафиксированное соответствие. Символическая реальность имеет ту же природу, что и сведенборгианские ады: она пребывает вне общепринятых понятий существования и воображения, объективного и субъективного.

Литературная генеалогия, восходящая к Гоголю и Э.Т.А.Гофману – достаточное объяснение фантастическим элементам в ранней прозе Достоевского. Таким как выходки Голядкина в “Двойнике”, которые все еще пытаются объяснить рационально – как проявление душевной болезни Голядкина. Начиная с “Преступления и наказания” рациональный покров над всеми этими необычными, странными событиями оказывается очень тонким, и потому они вырастают в нечто большее, чем просто фантомы. Рациональное объяснение приходит в разной форме – тут и состояние между сном и бодрствованием, как то, что испытал Свидригайлов в ночь перед самоубийством; и исповедь Ставрогина; и погружение в сон в “Сне странного человека”, хотя в путешествии сквозь время в отдаленное прошлое человечества нет ничего от сна; или, в “Братьях Карамазовых”, трезвое, психиатрическое название главы: “Дьявол. Кошмар Ивана” – хотя ни

Достоевский, ни читатель не уверены, что дьявол – просто продукт больного мозга Ивана.

Достоевский как ересиарх

Более чем вероятно, что Достоевский читал Сведенборга, когда писал “Преступление и наказание”, и что он с воодушевлением воспринял богословскую доктрину, которая придает столько значения воображению. Что именно он заимствует у Сведенборга и сам факт заимствований остается неопределенным – не считая, быть может, свидригайловской “баньки с пауками”. Но стратегия Достоевского как религиозного мыслителя нацелена скорее на вывод, чем на заимствование деталей, и в этом отношении сочинения Сведенборга могут предложить некий ключ.

Анна Ахматова обычно звала Достоевского и Толстого “ересиархами” – по свидетельству Надежды Мандельштам. В этом много правды. Их необычные умы, их пыл, огромные ставки, которые они делали, – всё это не спасло их от странных и даже диких учений, которые они проповедовали. Пусть они отличались в основах своего мировосприятия – их сближали попытки приспособить христианство к тому, что казалось им нуждами современного человека. Однако “истинное христианство” Толстого, укорененное в идеях Руссо, все больше и больше, как заметил Владимир Соловьев, напоминает нетеистический буддизм. В многочисленных учительных работах Толстого метафизический смысл христианства исчезает и остается только моральный. Не будет большим преувеличением сказать, что Достоевский начал там, где Толстой закончил, и обозначить точку расставания в “фурьеристской” фазе, в момент принадлежности Достоевского к кружку Петрашевского.

Христианский словарь утопического социализма не следует упускать из виду, кто бы этим языком ни говорил – Сен-Симон, Фурье или Жорж Санд. Отвергая христианские церкви и в то же время сам выступая под знаком Евангелий, утопический социализм выступал наследником таких популистских христианских движений, как анабаптисты или гуситы, проповедовавшие возвращение к чистоте раннехристианских общин. Но словарь этот скрывает важное изменение верований в результате влияния Просвещения XVIII века. На первом месте теперь оказывается социальная утопия, а не Христос. Он чтим отныне лишь как провозвестник, как самый возвышенный из учителей и реформаторов. Достоевский, как мы знаем, был шокирован непочтительными словами Белинского о Христе. Когда он присоединился к кружку Петрашевского, таких

проблем не возникло; фурьеристы никак не угрожали его вере в Христа как в нравственный идеал попросту потому, что сами они были сосредоточены на Царстве Божием на земле, которое казалось им чем-то не слишком отдаленным, легко достижимым. Впоследствии вся жизнь Достоевского, начиная с пребывания на каторжных работах в Омске, будет отмечена непрестанной борьбой в его сознании двух образов Христа: первый – образец несравненного совершенства, однако при том всего лишь земной человек и, следовательно, подвластный закону смерти; второй – Богочеловек, победивший смерть. Это противоречие, которое просмотрели гуманисты и социалисты из кружка Петрашевского, постепенно оформлялось в трудах Достоевского, пока не достигло высшего воплощения в “Легенде о Великом Инквизиторе”. Спор Великого Инквизитора с Христом – это ни больше ни меньше как спор утопического социалиста с предполагаемым лидером, который отказывается быть лидером и, хуже того, утверждает, что ученик неправильно его понял. Христос говорит, что Царство Божие – не от мира сего и что свобода, которую Он предлагает человеку, не ведет к созданию совершенного общества. Не кто иной, как сам Богочеловек, стремясь поднять человека до своего божественного уровня, может просить его принять эту свободу. Утопист у Достоевского так озабочен Царством Божиим на земле, что становится похож на Великого Инквизитора, и именно это объясняет те страстные речи, которые автор (сам страдающий от внутреннего раскола) вкладывает в уста этого трагического старика. Божественная фигура Христа оказывается главным препятствием для человеческого счастья на земле и должна быть отвергнута. Но диалектическое противоречие заключается в том, что как только земное счастье избирается в качестве цели, становится очевидным, что оно достижимо лишь ценой полного исчезновения человеческой свободы. Таким образом спор выражает отчаяние Достоевского при мысли о разложении христианской веры – в нем самом, в русской интеллигенции и в Западной Европе. Именно это заставляет его предложить произвольное и нереалистичное лекарство. В этом большом “или-или” – или христианская цивилизация, или тоталитарное общество Шигалева либо Великого Инквизитора – он пытается найти третий путь и цепляется за свою Святую Русь с крестьянином внизу и царем наверху, как за единственную опору христианства и, следовательно, человеческой свободы.

Человек и божество

Проблема двух природ Христа пронизывает все творчество Достоевского. Именно она предопределила его путь от

социалистической утопии к националистической. Сказать, что в какой-то момент он был атеистом (под влиянием Белинского) вряд ли будет правдой, поскольку он был устремлен к образу Христа-учителя в конце сороковых годов не меньше, чем позднее, в исправительной колонии. И все же в Омске он испытал душевную перемену – почувствовав, что теперь необходимость веры прояснилась. Его часто цитируемое письмо 1854 года к Фонвизинной, написанное вскоре после выхода из заключения, содержит ядро тех внутренних противоречий, которые мучили его главных героев: “Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Это символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной”.

Последняя фраза – потенциально “еретическая”. Кто бы мог “доказать” Достоевскому, что Христос – вне истины? Ученый, философ, который везде видит детерминистские законы и который воспринимает историю о воскрешении Христа как вызов нашему разуму? Этот род доказательств, через универсальные законы природы, принимают те персонажи Достоевского, которые более или менее выражают “интеллектуальную часть”: Ипполит в “Идиоте”, Кириллов в “Бесах” и Иван Карамазов. “А если Христос не воскрес, проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша” – говорит апостол Павел (Кор 15:14). У Ипполита, Кириллова, Ивана – как и у Великого Инквизитора – есть доказательства, что это и в самом деле так, но они понимают, что если это действительно так, если Христос обманывался относительно своего воскрешения, то мир – дьявольский фарс. Сам Достоевский, по крайней мере той своей частью, которая противостояла его скептическим персонажам, предпочитает “оставаться со Христом, нежели с истиной”, и таким образом, в сущности, покидает поле так называемого научного *Weltanschauung*’а. Противопоставление веры и разума имеет за собой старую

традицию, но противопоставление веры и истины – это нечто новое и чреватое опасным самообманом^[2].

Это, может быть, второе значение этой загадочной фразы. Поскольку Евангелия не касаются этики и их высказывания часто противоречивы, многие христианские мистики советуют держаться личности Христа в противовес нормам или ценностям. Совет хороший, но в то же время за него ухватится всякий сектант, ибо он придает авторитет трансформациям образа Христа в соответствии со вкусами данного индивидуума или сообщества. Возникает подозрение: уж не связан ли “русский Христос” Достоевского с такого рода экзальтированным произволом?

Напуск философии – и гностицизма

К сожалению, здесь необходимо сделать небольшое отступление. Христианство в новейшее время, начиная с Ренессанса, вынуждено было возобновить свой спор с философской мыслью. Раньше, в Римской империи, врагом была греческая философия. Ассимилированная и укрощенная Церковью, она, тем не менее, во многом сохраняла свою автономию и в конце концов благодаря так называемому гуманизму усилилась, дав начало новейшей науке. Или, точнее, одна часть греческого наследия сейчас восстает и обращается против другой, спавленной с еврейским наследием. Вполне симптоматичным было возрождение в XVII веке антитринитарной ереси, известной как арианство, хотя Арий был осужден Никейским собором задолго до этого, в 325 году. Может быть, можно было бы назвать это Ересью с большой буквы и проследить ее путь через всю историю христианства в различных противоречивых изводах. На первый взгляд “светлый”, рационалистический тренд в Ренессансе (а арианство, с его неприязнью к непредставимой догме, относится именно к нему) не имеет ничего общего с современным “темным”, более эзотерическим двойником. Но все же это – две стороны одной философской медали, во многом так же, как это было прежде в эллинистическом мире. Атака на Троицу восходит к гностицизму, который уже во II веке нашей эры наметил двойственность, раскол между Христом, с одной стороны, и Богом Ветхого Завета – с другой. Сам догмат Троичности – три ипостаси, обозначенные как Отец, Сын и Святой Дух, – был выработан как реакция ранней Церкви на это гностическое расщепление, которое разрушает непрерывность Откровения в истории. С самого своего зарождения гностическая ересь имеет в своей основе возмущение злым миром: Бог, ответственный за него, не

может быть высшим существом, тогда как Христос есть истинное божество или представляет его^[3]. Затем по протоптанной тропе пошли манихеи. С тех пор христология стала (и до сих пор остается) территорией, где еретики пользовались преимуществом. Они склонны были противопоставлять Искупление Творению, Спасителя – Иегове и даже подчеркивают человеческую природу Христа, Который благодаря кеносису “очистил Себя” от Своих божественных атрибутов. В главных романах Достоевского эти проблемы присутствуют в открытой или скрытой форме.

Богословие Сведенборга, который был одновременно и ученым, и современным христианином, было яркой попыткой преодолеть догмат троичности, как его понимают три ветви христианства – православие, католичество и протестантство. Он обвинял их в том, что все они учат верующих представлять трех богов и таким образом маскируют многобожие формулой, непостижимой человеческому уму. В то же время он не одобряет формулу, предложенную арианами, согласно которой Христос не тождественен по природе Отцу и в значительной своей части остается человеком. В центре системы Сведенборга – Христос, который *только Бог*, не вопреки тому, что родился человеком, а именно поэтому. Абсолютно христоцентрическая система Сведенборга в то же время абсолютно антропоцентрична. Самые священные книги для него – Евангелие от Иоанна и Апокалипсис; по совпадению они же – самые священные для Достоевского. Кредо Сведенборга воплощено в словах, которые произнес апостол Фома, погружив перст в Христовы раны: “Господь мой и Бог мой”. Человек создан по образу и подобию Господа, ибо наш Отец Небесный – Человек; Небеса, как я уже цитировал, суть величайший Человек.

Страшновато сравнивать Сведенборга как писателя с Данте, но их описания “другой стороны” конституируют два решающих свидетельства воображаемой жизни цивилизации. Космология Данте – средневековая, и его теория основана на Фоме Аквинском, использовавшем силлогизмы греческой философии на пользу католической Церкви. Значение человека, сотворенного и искупленного Богом, обеспечено для Данте центральным положением земли в космосе. Но для Сведенборга время вселенной разложено на движение планет и звезд. Если бы не один человек, Христос, Бог воплощенный, человечество было бы не более чем песчинкой в случайном и непредсказуемом порядке вещей. Может, по этой причине Сведенборг подчеркивает, что Богочеловек существовал прежде мира, что Творец и Искупитель – одно. Было бы неправильно

характеризовать Сведенборга как антитринитария, поскольку он предлагает новую концепцию Троицы. Однако его ученик Уильям Блейк, временами бунтовавший против учителя, не так уж существенно модифицировал сведенборгианскую доктрину, когда избрал человекоподобное Божество. Но – в отличие от Сведенборга – у Блейка в его многочисленных инверсиях религиозных концепций родство с гностиками несомненно: Бог как законодатель равен Сатане, Элохим – низшим демиургам. Сотворение мира, которое Блейк описывает как акт милосердия *после* того, как грехопадение уже свершилось (или одновременно с ним, что одно и то же там, где нет времени), – это чисто манихейская идея. В учении основателя манихейства Мани (ум. 277) после того, как Царство Света было загрязнено Царством Тьмы, Царство Света позволило низшему демиургу создать в этой области мир так, чтобы он мог быть очищен с течением времени.

Сведенборг (и Блейк) гуманизировали или “очеловечивали” Бога и космос до такой степени, что всё, начиная с малейшей частицы материи и кончая планетами и звездами, существует для них с единственной целью: служить источником знаков для человеческого языка. Воображение человека, выражающее себя через язык и в своих высших проявлениях тождественное Святому Духу, ныне должно восторжествовать и искупить всё в этом мире, положив начало эре Нового Иерусалима. Человек опять в центре – пусть даже эта земля и эта галактика больше в центре не находятся. Христианская стратегия Сведенборга (и Блейка) возможно, параллельна стратегии Фомы Аквинского, который чувствовал, что философия (или по крайней мере Аристотель, Философ с большой буквы) должна быть воспринята и поглощена христианской мыслью. В XVIII веке христианские стратегии столкнулись с задачей более сложной – необходимо было воспринять и поглотить философию в двух ее производных: рационалистический ее извод и более мрачную еретическую традицию, предусматривающую двойственность, раскол между Творением и Искуплением. В результате этого стало возможным утверждать, что Божественное есть вечно Человеческое и что Человеческое есть потенциально Божественное.

Но Сведенборг (и Блейк) балансировали на самом краю, где эквилибристика между христианской верой и антихристианским отрицанием становится постоянной угрозой. Обожествление Человека – это уже вызов, связанный с рассветом “европейского нигилизма” и предсказанный Ницше. Наша эра, вторая половина XX столетия, отмечена трагикомическим эскапизмом – а именно богословием

“смерти Бога”, которая продолжает идею Божественного Человечества и приводит ее к бесперспективному изменению, полностью трансформируя. Достаточно прочитать книгу о Блейке, написанную одним из главных богословов школы “смерти Бога”, чтобы понять, как это делается – как и следовало ожидать, с помощью Гегеля. Что до Достоевского, заметим, что, хотя диалектика Богочеловека и Человекобога присутствует в его романах, он горячо восставал против замазывания изначального противоречия между ними.

Достоевский пытается решить вопрос

Описывая книги библиотеки Достоевского, Гроссман признает возможность влияния Сведенборга на то, что мы можем считать последним словом Достоевского в области религии, – рассказ отца Зосимы о молитве, любви, аде и контакте с иными мирами. Намек Гроссмана так никто, сколько я знаю, не понял, и предмет до сих пор недостаточно изучен. Отец Зосима, конечно же, очень часто говорит вещи, напоминающие Сведенборга – особенно интересно его рассуждение о вечном проклятии. Жизнь человека, согласно Зосиме, есть “мгновение живой и деятельной любви” и дана ему как дар времени и места, где любовь может проявить себя. Драма вечной жизни живет в краткости ее проникновения в мир пространства и времени, которых скоро не будет, и тогда всё, что происходит с человеком, становится частью его внутреннего мира. Пламя ада – внутри проклятых и связано с качеством их земной жизни: “Для тех ад добровольный и ненасытимый”; “Бога живого без ненависти созерцать не могут и требуют, чтобы не было Бога жизни, чтобы уничтожил себя Бог и все создание свое”.

По мысли отца Зосимы, для проклятых характерна манихейская ненависть к Богу. И все же Достоевский, как Сведенборг и Блейк до него, хочет абсорбировать ереси и интегрировать их в свою собственную христологию. Однако в романе сделать это сложнее, чем в богословии и поэзии. Достоевский, кажется, говорит: если концепция Богочеловека, свободного от греха, имеет некую ценность, то в человеческой природе должен быть хотя бы намек на то, как это может оказаться возможным. Именно поэтому Достоевский потратил столько времени, пытаясь создать в художественной прозе образ истинно хорошего человека. И ничего не вышло! Князь Мышкин остается отрицательным доказательством, ибо его действия показывают, что осязаемая любовь к себе лежит в самой основе человеческой природы и что тот, кому ее недостает, недостаточно человечен. Мышкин, с его полным

самоотречением, с отсутствием агрессии и похоти, не менее монструозен в своей пустоте, чем Ставрогин с его предельным себялюбием. Отец Зосима пришел прямо из житий святых, и в его отношении вопросов не возникает, так как он защищен репутацией раскаявшегося грешника. Что до Алеши, то он убедителен только как один из Карамазовых, носитель их темной, опасной крови. Его миссионерская деятельность среди школьников и собственных братьев – честно говоря, просто результат мелодраматической и прямолинейной сентиментальности. Художественная фальшь здесь передает фальшь той коллективистской веры, которую, обманывая себя, измыслил Достоевский и которую он пропагандировал, главным образом в своей журналистике. Алеша, вождь, подобный Христу, намечается в будущее “русские Христы”, и у него есть двенадцать детей-учеников, но по странному повороту стилистической судьбы (бывают стилистические судьбы) предполагаемая Церковь превращается во что-то, напоминающее организацию скаутов. Сомнительно предполагать, что кто-то может достичь Царства Божия на земле, превратив человечество в скаутов, и именно поэтому соответствующие главы “Братьев Карамазовых” читаются как ненамеренная пародия. Шатов в “Бесах”, который любит подобный Христу русский народ, но при этом не верит в Бога, может быть, с другой стороны, саркастическим ударом, который Достоевский намеренно наносит себе самому.

Описывая историю восстания человека против Бога, Сведенборг выглядит как целитель, который хочет сорвать печати со священных книг, и это делает бунт излишним. Открывая, что Бог есть Человек, он – по собственному убеждению – выполняет Божье обетование, что однажды будет послан Утешитель, Дух истины. Через него этот Дух говорит. Безоблачная христология Сведенборга может пролить свет на полную муки и боли христологию Достоевского. В некотором отношении такое исследование может открыть некоторые Блейкианские элементы у Достоевского, который никогда не слышал о Блейке.

Бунтовщики Достоевского побуждаемы ложным, преувеличенным нравственным чувством: мировой порядок должен быть уничтожен, потому что он бросает вызов человеческим моральным принципам; мир переполнен страданиями людей, мучающих друг друга. Идеальный человек, Иисус должен был помешать этому естественному порядку; к сожалению, для бунтарей Он – лишь человек, и Его ошибки необходимо исправить; а дальше единственным логическим выводом оказывается явление Человекобога. Но

“положительные” герои Достоевского рассуждают ничуть не лучше. Его ошибка в том, что он рисует их, возможно, проверяя на практике свое утопическое (фурьеристское) видение Идеального Человека как совершенно мягкого, совершенно скромного, лишенного себялюбия. Вильям Блейк знал лучше: он выбирал между Воображением, поработанным Призраком – то есть своим “Я”, – и Воображением, использующим Призрак, который есть постоянный компонент человеческой природы. Такая осведомленность о способностях человеческой природы выглядит реалистичнее. Но провалы Достоевского, может быть, даже больше, чем его удачи, показывают постоянство дилеммы, которая, восемнадцать столетий назад, явилась в форме спора между первыми христианами и гностиками. Обожествление Человека, когда при том питаешь ненависть к миру как к чему-то сущностно злему – затея рискованная и спорная.

Перевел с английского оригинала

Валерий Шубинский

This made me present evermore

With whatsoever I saw.

An object, if it were before

My Ey, was by Dame Nature's Law

Within my Soul: Her Store

Was all at once within me; all her Treasures

Were my immediate and interne Pleasures;

Substantial Joys, which did inform my mind.

With all she wrought

My Soul was fraught

And every object in my Heart, a Thought

Begot or was: I could not tell

Whether the Things did there

Themselves appear,

Which my Spirit truly seemed do dwell:

Or whether my conforming Mind

Were not ev'n all that there is shin'd.

(И по сей причине я буду пребывать всегда со всем, что я вижу; некий Предмет, если он существовал прежде моего ока, порожден Законом Дамы Природы, присутствующим в моей душе; Ее Кладовая была для меня всё единовременно; все ее Сокровища были моим немедленным и внутренним Наслаждением; сущностными радостями, кои давали сведения моему уму. Всем, написанным ею, мой Дух преисполнился, и каждый предмет в сердце моем был зарожден Мыслью или сам пребывал ею: я не мог сказать, явились здесь Вещи сами или лишь привиделись моему Духу; и был ли мой блаженствующий дух не единственным, что там воссияло.)

Здесь можно припомнить слова Мейстера Экхарта: “Если бы Бог был способен отступить от истины, я вынужден был бы держаться истины и оставить Бога”.

1. В этом отношении предшественник Сведенборга – Томас Трахерн, английский метафизический поэт. См. например, следующие строки из его стихотворения “Мой дух” (The poetical works of Thomas Trahern, London, 1932):
2. Здесь Достоевский близко подходит к Кьеркегору, сместившему шкалу в пользу “внутреннего” и “субъективного” и таким образом отождествившему веру и истину: “Истина есть в сущности рискованный выбор объективной неопределенности со страстью к бесконечности... Но прежде всего истина есть эквивалентное выражение веры... Вера – точное выражение противоречия между бесконечной страстью индивидуального внутреннего мира и объективной неопределенностью”.
3. В качестве главных пунктов гностической концепции *regula fidei* может быть названо следующее: 1) различие между высшим Богом и Творцом, следовательно, между Откровением и Творением и, следовательно, несовпадение Вестника откровения и Вестника творения; 2) различие между высшим Божеством и Богом Ветхого Завета, а потому – отрицание Ветхого Завета или утверждение, что Ветхий Завет не содержит откровения о высшем Божестве, а если содержит, то лишь в некоторых своих частях; 3) учение о независимости и вечности материи; 4) утверждение, что земной мир восходит к падению человека или к затее Божьего недруга и потому является плодом злого или несовершенного бытия; 5) учение о том, что зло присуще материи и потому является физической возможностью;

6) идея эонов, то есть истинных сил и небесных существ, через которые раскрывается всемогущество высшего Божества; 7) утверждение, что Христос был Вестником Бога, доселе неизвестного. См. Адольф Харнак, “История догмы” (Нью-Йорк, 1961); Харнак добавляет к этому еще ряд пунктов.

ВРАЧИ В СОВЕТСКИХ ЛАГЕРЯХ

Через советские лагеря, то есть через ГУЛАГ, прошло немало врачей разных национальностей. Некоторые из них, будучи заключенными, работали в лагерной медслужбе, созданной прежде всего из идейно-пропагандистских соображений. С работавшими в лагерях врачами ежедневно соприкасалось лагерное население – зэки. В мемуарах оставшихся в живых свидетелей сохранилось много воспоминаний, характеризующих деятельность и поведение лагерного медперсонала^[1].

Записки и воспоминания послужили основным источником при написании настоящей работы: несмотря на субъективность, отличающую впечатления и оценки авторов, мемуары отчетливее всего передают трагическую атмосферу и ужас лагерной действительности. Некоторые врачи, прошедшие эти лагеря, тоже опубликовали свои воспоминания, среди них поляки Леонард Перепечко, Бронислав Стец, Витольд Ярошинский, немцы Вернер Дитрих, Йозеф Шольмер и другие. Я не ставил перед собой задачу показать индивидуальные судьбы этих людей, а хотел рассказать о положении врачей в лагере вообще, в том числе врачей-заключенных, выполнявших свою миссию в ГУЛАГе в тех условиях, в которых работала лагерная медицинская служба.

Существование медицинской службы противоречило основной функции советских лагерей, которые – сосредоточив огромный резерв дармовой, рабской рабочей силы – имели своей целью прежде всего репрессии и истребление зэков. Поставленные в рабские условия миллионы людей физически погибали в результате целого комплекса причин – климатических и бытовых условий, невероятно тяжелого труда и сознательного использования голода. В лагерях советской России инструментом смерти были не “циклон Б” и не бункер газовой камеры, а холод, голод и болезни, истощавшие силы заключенных.

Существование медслужбы в лагерях прекрасно отвечало двойной морали лагерной действительности, для которой были характерны, как написала находившаяся в заключении в России после II Мировой войны Барбара Скарга, “с одной

стороны, конкретность, а с другой – абстрактный фасад, жестокая действительность и идеология”^[2]. Идеология придавала лагерям обязательную на каждом шагу видимость. Законы навязанной иллюзии нельзя было нарушать, хотя трудно было поверить в то, что нет ни рабов, ни палачей, а есть лишь потерянные, заблудшие люди, отеческую заботу о которых взяли на себя лагерные власти как представители высшей власти в Москве, самой справедливой и самой любимой. И лишь сознание того, что ГУЛАГ был создан для биологического уничтожения реальных или вымышленных врагов советского государства и его строя, позволяет понять явное лицемерие тамошнего “иного мира” и исключить априори гуманные причины появления лагерной медслужбы^[3].

Врач-зэк (или бывший зэк), работая в медслужбе, становился членом лагерной администрации (“придурком”), в частности получал более высокую категорию питания. В его обязанности входил контроль за качеством пищи, прием больных в медпункте и выдача освобождений от работы, направление тяжелобольных в больницу, лечение госпитализированных пациентов и участие в так называемых медкомиссиях, которые после беглого осмотра зэков оценивали их физическое состояние и зачисляли в ту или иную “трудовую категорию” по состоянию здоровья. Доктор Витольд Ярошинский, который прошел лагеря на Дальнем Севере после II Мировой войны, так описывал свой рабочий день в лагерном медпункте:

“Вставал я рано, так как до выхода бригад на работу должен был провести прием больных, значит, уже в пять утра мне надо было быть в медпункте, чтобы в шесть наспех принять явившихся больных. После завтрака я проводил санитарный обход, осматривал больных в общих палатах. Потом можно было немного подремать. А после полудня я уже ожидал возвращения бригад с работы. Снова часы амбулаторного приема (...) потом ложился спать”^[4].

Этот размеренный и относительно спокойный распорядок дня резко контрастировал с невероятно изматывающим трудом людей, вынужденных работать за зоной почти по 12 часов в день. Можно, следовательно, утверждать, что заключенный, работавший в лагере врачом или фельдшером, находился в привилегированном положении, получая шанс выжить. Однако работа врача в других лагерях необязательно носила такой же благодатный оттенок. Одно остается бесспорным: принадлежность к лагерной администрации давала врачам-зэкам огромные преимущества. Люди, которые случайно

попадали на работу в стационар или больницу, часто именно этому обстоятельству были обязаны тем, что остались живы (Шаламов)^[5].

По прибытии в лагерь заключенный впервые сталкивался с врачом на так называемой медкомиссии, причем оценивала пригодность зэков по здоровью чаще всего группа медиков, состоящая из людей противоположного пола. Ксёндз Юзеф Херманович так описывал это в своих воспоминаниях:

“Врачами тут работают две женщины. Трудно было привыкнуть к тому, что осмотр мужчин, согнанных в большом количестве, всегда проводили представительницы, так сказать, прекрасного пола, но такова уж была мода в лагерях...”^[6]

Медкомиссии для зэков, сидевших в лагере, проводились чаще всего ежеквартально. Они созывались также для оценки физических сил тех, кого выписывали из больницы. Врач принимал участие в “торговле” живым товаром и в тех случаях, когда дело доходило до обмена заключенными с соседними лагерями. Роль врача в комиссии оказывалась самой неблагоприятной, ибо от его решения или молчаливого согласия в значительной мере зависела судьба заключенных; тех, кто получил высшую “трудовую категорию” по состоянию здоровья, отправляли на самые тяжелые “общие работы” за пределами лагеря, где многие быстро деградировали как психически, так и физически и погибали от истощения и голода.

Как я уже отмечал, местом работы лагерных врачей были медпункты, стационары и больницы. Варлам Шаламов, который провел в советских лагерях львиную долю своей сознательной жизни, писал:

“Лагерная жизнь так устроена, что действительную реальную помощь заключенному может оказать только медицинский работник”^[7].

Действительно, лагерная медслужба была довольно независима от лагерного начальства, а врач обладал в условиях ГУЛАГа правами, которые подчас предопределяли будущую судьбу человека.

“Врач, – пишет Шаламов, – может освободить человека от работы официально, записав в книгу; может положить в больницу, определить в оздоровительный пункт, увеличить паек. И самое главное в трудовом лагере – врач определяет „трудовую категорию”, степень способности к труду, по

которой рассчитывается норма работы. (...) В своем медицинском деле врач никому не подчинен. (...) Единственный защитник заключенного, реальный его защитник – лагерный врач”^[8].

Самой распространенной формой помощи заключенным было освобождение от работы, поэтому врачи пользовались этим своим правом. Однако в большинстве лагерей основным условием для освобождения от работы была высокая температура. “У кого не было высокой температуры, того больным не считали”, – написал в своих воспоминаниях о лагере доктор Витольд Ярошинский^[9]. Однако в лагерях существовал определенный лимит на освобождение от работы, превышение которого грозило опасными последствиями для врача: его могли посадить в карцер, перевести в другой лагерь или направить на общие работы. Суровость такого наказания испытал на себе, в частности, доктор Болеслав Стец, который из жалости освободил от работы слишком много эков. Его гнали в другой лагерь пешим этапом более 30 километров, и во время этого марш-броска он дошел до полного физического истощения^[10].

Врачи, работавшие в больницах, стремились облегчить горькую участь больных эков. Направление на лечение в стационар для многих заключенных становилось пресловутой последней надеждой. Большинство выживших свидетелей ГУЛАГа и многие годы спустя чуть не с восторгом вспоминали свое пребывание в больнице. Евгения Гинзбург писала о чувствах, которые ее переполняли, когда она попала в магаданскую больницу:

“Уже две недели я нахожусь в стране чудес, именуемой магаданской лагерной больницей (...) И это после того, как я окончательно привыкла к мысли, что все люди, с которыми я сталкиваюсь за последние три года, если только они не заключенные, хотят одного: мучить и убивать”^[11].

В воспоминаниях Барбары Скарги больница тоже представлена как место исключительное: “Я любила больницу, ибо она находилась в одном из верхних кругов ада, там еще сохранилась какая-то надежда, царила доброжелательность...”^[12]. Витольд Ярошинский, попав в больницу вследствие крайнего истощения после тяжелого физического труда, был невероятно рад пребыванию в новых для него условиях, где царила гигиена и где его окружал доброжелательный к пациентам персонал. Столь же хорошее впечатление произвела больница на Тадеуша Лясковича, находившегося в заключении в СССР после

II Мировой войны: “В больницах чисто, персонал профессиональный, состоящий из заключенных-врачей и санитаров”, – писал он в “Воспоминаниях из-за решетки”^[13]. Тут надо уточнить, что уровень медицинского обслуживания в ГУЛАГе был весьма дифференцированным. Как правило, и стационары, и больницы отличались примитивными условиями, отсутствием необходимого оборудования и лекарств. Объекты медслужбы размещались обычно в бараках, а иногда даже в землянках. Ядвига Завадская, которая провела после II Мировой войны десять лет в Печорских лагерях, оставила следующее описание больницы в Вилюе:

“Больница напоминала Печорские лагеря. Комплекс низких бараков, побеленных известью, окруженных несколькими рядами колючей проволоки. Тюремные ворота и вышки охраны в каждом углу лагерной территории”^[14].

Весьма примитивно устроенную больницу в лагере Икряное на территории Грузии описал отправленный в глубь СССР в 1945 г. доктор Леонард Перепечко:

“Тяжелых больных мы направляли в местную лагерную больницу, устроенную весьма примитивно (...) Больничная палата представляла собой четыре голых стены и пол. Ни стульев, ни кроватей не было. Больной на полу раскладывал свои манатки и на этом лежал. Лекарств тоже не было...”^[15]

Сидевшая в Воркуте в 40-х годах поэтесса Беата Обертынская так вспоминала больничную палату в стационаре, где ее лечили:

“Палата небольшая, но удивительно милая и уютная (...) Печь с глубокой нишей и широким карнизом, чисто вымытый пол, возле каждой кровати сосновая тумбочка, покрытая салфеткой и букетик незнакомых, без запаха цветов. Восемь кроватей”^[16].

Самой больной проблемой лагерной медслужбы было отсутствие элементарного оборудования и лекарств. Врачи, а нередко это были выдающиеся специалисты, оказывались беспомощными перед болезнями, которые там свирепствовали: истощение от голода, заменявшееся эвфемизмом “дистрофия”, авитаминозы (цинга, пеллагра и куриная слепота), а также многочисленные заразные болезни, главным образом туберкулёз, краснуха, брюшной и сыпной тиф, венерические заболевания и чесотка. Частыми бывали обморожения, очень часто возникали разного рода раны и увечья, грыжи, непроходимость кишечника, гнойные

инфильтраты и другие болезни, требующие хирургического вмешательства. По словам немца Йозефа Шольмера, особенно частыми среди заключенных Воркутинских лагерей в 50-е годы были недомогания, связанные с гипертонией и туберкулёзом^[17].

На этом фоне еще очевиднее становится героизм лагерных врачей, которые, несмотря на отсутствие средств и возможностей, с полной самоотдачей, нередко с невероятной изобретательностью героически старались помочь своим борющимся за жизнь товарищам по несчастью. Надо отметить, что, несмотря на масштабность ГУЛАГа и царившую в нём необузданную жестокость, в поведении советских медиков в значительной мере сохранялась гуманная врачебная этика, привитая и воспитанная задолго до большевистской революции. Мемуарная лагерная литература богата примерами великого самопожертвования врачей, защищавших жизнь своих пациентов. Например, военнопленный врач Вернер Дитрих с большим уважением отзывался о работавшей в лагерной больнице Софье Абрамовой – майоре НКВД и враче в одном лице, которая, несмотря на то, что была еврейкой, относилась к больным немцам сочувственно и доброжелательно^[18]. О тактичном отношении советских врачей к заключенным вспоминал и доктор Болеслав Стец^[19]. Ежи Древновский, сидевший в северных лагерях в первой половине 40-х гг., много лет спустя с огромным уважением вспоминал Льва Григорьевича Соколовского, русского врача психиатрической больницы, “человека большого сердца и ума”^[20]. Мечислав Доминик Бачинский в своих воспоминаниях с большой симпатией говорит о работавшей в лагере вблизи Комсомольска-на-Амуре москвичке-враче Любове Васильевне, благодаря помощи которой он “крепко встал на ноги”^[21]. Юлия Ключек тоже обязана жизнью заступничеству советского врача. “Я вспоминала ее в своих молитвах...” – написала много лет спустя бывшая заключенная сибирских лагерей. Анеля Дзевульская-Лось, которая в 1944–1956 гг. находилась в заключении в СССР, с благодарностью вспоминала русских врачей, работавших в лагерной больнице за Уралом:

“...несколько раз начальник пытался отправить меня по этапу, но главврач, которая была довольна моей работой, сумела вернуть меня в больницу даже от ворот”^[22].

Вот слова Генрика Либиха из его книги “Из-под Вильно в Сибирь”, сказанные им о лагерном враче, латыше, которому

повезло получить в лагере работу по профессии:

“Он пользовался всеобщей симпатией. Особенно среди работяг, которым он охотно давал освобождения от работы”^[23].

Тадеуш Ляскович благодаря заступничеству русской женщины-врача получил инвалидность, что спасло ему жизнь. Спустя годы он написал в своих мемуарах:

“Я не забуду этой русской – врача, по фамилии, кажется, Ружанская, исключительного для того времени человека”^[24].

И Леон Лось получил по решению медицинской комиссии, которую возглавляла Нина Моисеевна Рабинович, жена расстрелянного советского министра здравоохранения, невероятно удачную в лагерных условиях третью категорию по здоровью, дававшую право работать индивидуально. “В таком лагере это считалось богатством”, – писал он на страницах своих воспоминаний, опубликованных в Париже в 1989 году^[25]. Немецкий врач Йозеф Шольмер, арестованный в Берлине и отправленный в Воркуту в начале 50-х, в книге “Умершие возвращаются” описал свое пребывание в больнице в качестве пациента, которого прооперировали по поводу двусторонней паховой грыжи. По рассказу немца, операция, выполненная русским хирургом, из-за неэффективности местной анестезии, граничила с варварством, но всё прошло без осложнений^[26]. Немецкий солдат Эберхард Пауч, в возрасте 16 лет попавший в ГУЛАГ, с добрым чувством вспоминал свое пребывание в больнице в Потье, где он лежал на настоящей кровати, застеленной белым постельным бельем, в палате, где кроме столь же юного его сотоварища “находились еще трое пожилых русских. К нам они относились очень хорошо и дружелюбно, так же как врач и весь вспомогательный персонал”^[27]. Генрик Сипович-Роговский, автор книги “Дорога через ад”, которого в лагере вылечили и спасли ему жизнь, писал, что этим он обязан “Богу и лагерному врачу. Если бы не Провидение и не доброе отношение „санитарной службы” (...) я неминуемо бы загнулся”^[28]. Ксёндз Чеслав Рышард Грабский, который в 1941 г. попал в Печорские лагеря, провел несколько зимних месяцев в больнице, где благодаря заботе и доброму отношению двух врачей-поляков, Бека-Домбровского и Штайера, ему удалось восстановить силы и здоровье^[29]. Сидевший в 1949 г. на Балхаше Генрик Соболевский благодаря русскому хирургу Серодкину получил по решению медкомиссии инвалидность. Врач “всегда говорил, что мне надо беречься и избегать тяжелых работ, которые вредят

здоровью больше, чем недоедание”, – писал он в своих лагерных воспоминаниях^[30].

В описаниях бывших зэков встречаются и примеры недостойного и даже жестокого поведения некоторых врачей. Леон Лось, находившийся после II Мировой войны в Озерлаге, вступил в конфликт с врачом, поволжским немцем, которого он назвал “редкой сволочью”. Выведенный из себя зэк ударил врача табуреткой по голове под аплодисменты остальных зэков: “Убить гада! Молодец поляк!”^[31] О случае с врачом-садистом вспоминал Тадеуш Ляскович:

“В том, что доктор Сектор – садист, я убедился на собственной шкуре, а вернее пятке (...) Я отправился – впрочем, совершенно напрасно – к врачу. Он двумя надрезами раскрыл не только нагноившийся верхний слой кожи, что можно было сделать ножницами, – но и уже заживающий слой ткани под этим нагноением”^[32].

В мемуарных отзывах о лагерной медицине преобладают всё же оценки лестные, нередко очень положительные и даже восторженные. Следует отметить, что стационары и больницы были для борющихся за жизнь зэков единственным прибежищем, где они могли встретить доброе отношение и получить настоящую помощь. Врачи, исполнявшие свой профессиональный долг на необъятной территории ГУЛАГа, в меру имевшихся в их распоряжении возможностей давали зэкам надежду и оказывали помощь.

“Пшеглэнд всходний” (“Восточное обозрение”), т. X, вып. 2 (38), 2006

1. Е.Гинзбург. Крутой маршрут; J. Supady. Życie i śmierć w łagrach sowieckich. Łódź, 2001.
2. B.Skarga, Po wyzwoleniu. 1944–1956. Poznań, 1990.
3. J.Supady. Medycyna w łagrach sowieckich, “Przegląd Lekarski”, 1998, t.55, №11. Заключение часто волновал вопрос о непоследовательности лагерной системы. Станислав Дакиневич пишет: “С одной стороны, делалось всё, чтобы с помощью ужасных бытовых условий и каторжного труда довести человека до полного уничтожения, а с другой стороны, устраивались больничные палаты, лазареты, пункты отдыха, людей лечили и оперировали, чтобы спасти тех, кого считали контрреволюционерами и врагами народа. В чем же дело? Шла ли речь о том, чтобы максимально использовать бесплатную рабсилу, или о чем-то ином – ведь не гуманными же соображениями они руководствовались”

(S.Dakiniewicz. Więzień P 303. Wrocław, 1992). О формировании идеологических аспектов ГУЛАГа он говорит в статье "Gułag i inżynierowie dusz" ("Przegląd Wschodni" 1999, t.V, z.4).

4. W.Jaroszyński. Na dziesięć lat za druty. Londyn, 1987.
5. В.Шаламов. Красный крест // Колымские рассказы.
6. Ks. J.Hermanowicz, Chiny - Sybir - Moskwa. Wspomnienia misjonarza z łagrów sowieckich. Londyn, 1966.
7. В.Шаламов. Цит. соч.
8. Там же.
9. W.Jaroszyński. Цит. соч; K.Fraedrich, I, GULAG der Frauen. München, 2000.
10. B.Stec. Od rewolucji do łagru. Wspomnienia lekarza, Hore Sus, 1988.
11. Е.Гинзбург. Цит. соч.
12. B.Skarga. Цит. соч.
13. T.Laskowicz. Wspomnienia z za krat. Milicz, 1993.
14. J.Zawadzka. Łagierniczki. Dziesięć lat w polarnym kraju. Warszawa, 1991. L.Perepeczko. W łagrach na saratowskim szlaku. Wrocław, 1993. Находившаяся в лагерях в 40-е годы польская коммунистка Матильда Тёмкина в своих воспоминаниях описала лагерную больницу, "которая почти не заслуживала этого названия" (М.Темкин. W sowieckim łagrze. Wspomnienia komunistki. Warszawa, 1989). О больнице, расположенной в землянке, сообщает в своих воспоминаниях Ежи Гловала: "Землянка была огромная, построенная из толстых бревен, внутри побеленная и довольно чистая. Больных около сотни" (J.Głowala. Purga. Wśród więźniów i zesłańców w ZSRR. 1941-1955, Warszawa, 1990).
15. J.Zawadzka. Łagierniczki. Dziesięć lat w polarnym kraju. Warszawa, 1991. L.Perepeczko. W łagrach na saratowskim szlaku. Wrocław, 1993. Находившаяся в лагерях в 40-е годы польская коммунистка Матильда Тёмкина в своих воспоминаниях описала лагерную больницу, "которая почти не заслуживала этого названия" (М.Темкин. W sowieckim łagrze. Wspomnienia komunistki. Warszawa, 1989). О больнице, расположенной в землянке, сообщает в своих воспоминаниях Ежи Гловала: "Землянка была огромная, построенная из толстых бревен, внутри побеленная и довольно чистая. Больных около сотни" (J.Głowala. Purga. Wśród więźniów i zesłańców w ZSRR. 1941-1955, Warszawa, 1990).
16. B. Obertyńska. W domu niewoli. Warszawa, 1990.

17. J.Supady. Życie i śmierć w łagrach sowieckich.
18. Erinnerungen des deutschen kriegsgefangenenarztes Dr. med. Werner Dietrich // Freya Klier. Verschleppt ans Ende der Welt. Schicksale deutscher Frauen in sowjetischen Arbeitslagern. Berlin, 1999.
19. B.Stec. Цит. соч.
20. J.Drewnowski. Cynga. Wspomnienia z łagrów północy. 1940-1944. Warszawa, 1989.
21. M.D.Baczyński. Ty musisz żyć aby dać świadectwo prawdzie. Pamiętnik zesłańca. Warszawa, 1990.
22. A. Dziewulska-Łosiowa. Konwój strzela bez uprzedzenia. Polki w więzieniach i łagrach sowieckich (1944-1956). Białystok, 1994.
23. H.Libich. Spod Wilna na Syberię. Warszawa, 1990.
24. T.Laskowicz. Цит. соч.
25. L.Łoś. Drugi brzeg Oki. Paryż, 1989.
26. J.Scholmer. Die Toten kehren zurück. Bericht eines Arztes aus Workuta. Köln-Berlin, 1956.
27. E. Pautsch. Und dennoch überlebt. Als Sechzehnjähriger auf dem "Archipel Gulag". Dülmen/Westf, 1984.
28. H.Sipowicz-Rogowski. Droga przez piekło: Wilno - Ustronie 1949-1979.
29. Cz. R. Grabski. Gdyby nie opatrność Boża. Paryż, 1985.
30. H.Sobolewski, Z ziemi wileńskiej przez świat GUŁagu, Warszawa 1990, s. 91.
31. L.Łoś. Цит. соч
32. T.Laskowicz. Цит. соч.

Адам Загаевский

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Кафе

В чужом городе, в кафе, носившем имя
французского писателя, я читал “Под вулканом”,
уже без бывшего восторга. Однако надо лечиться,
подумал я. Видно, я превратился в филистера.
Мексика была очень далеко, её огромные звёзды
светили теперь не мне. Продолжался праздник мёртвых.
Праздник метафор и света. Смерть в главной роли.
Рядом, за столиками, несколько человек, разные судьбы:
Благоразумие, Печаль, Здравый Смысл. Консул, Ивонна.
Шёл дождь. Это было моё маленькое счастье. Кто-то входил,
выходил, кто-то изобрёл наконец вечный двигатель.
Я был в свободной стране. В стране одиночества.
Ничего не происходило, пушки молчали.
Музыка никого не трогала; поп-мелодия текла
из динамиков, лениво повторяя: всякое может случиться.
Никто не знал, что делать, куда идти, зачем.
Я думал о тебе, о нашей близости, о том,
как пахнут твои волосы, когда начинается осень.
С аэродрома взвился в воздух самолёт,
похожий на прилежного ученика, который верит в то,
что говорили старые мастера.
Советские космонавты утверждали, что не нашли

Бога в межзвёздных просторах, но разве они искали?

Урок игры на фортепьяно

Урок музыки у соседей, в семье Й.

Я первый раз у них в доме,

который пахнет не так, как наш (у нас нет запаха,

так мне кажется). Тут всюду ковры,

толстые персидские ковры. Я знаю — они армяне,

но не знаю, что это значит. У армян ковры,

а в воздухе странствует пыль, привезённая

ещё из Львова, пыль средневековья.

У нас — ни ковров, ни средних веков.

Не знаю, кто мы, — наверно, странники.

Иногда я думаю, что нас вообще нет. Есть только другие.

Отличная акустика в квартире у наших соседей.

Тишина в той квартире. В комнате стоит рояль,

как ленивый, приручённый хищник — а в нём,

в самом центре его, покоится чёрный шар музыки.

Госпожа Й. сказала мне сразу, после первого

или второго урока, что лучше мне учить языки,

поскольку я не обнаруживаю способностей к музыке.

Не обнаруживаю способностей к музыке.

Лучше мне учить языки.

Музыка будет всегда где-то ещё,

недостижимая, всегда в чужой квартире.

Чёрный шар будет спрятан где-то ещё,

но возможно, будут другие встречи, другие открытия.

Повесив голову, я возвращался домой,
не то огорчённый, не то обрадованный — домой,
где не было запаха Персии, но были любительские картины,
акварели, и думал с горечью и удовольствием,
что мне остался только язык, только слова, образы,
только мир.

Смотрю на фотографию

Я смотрю на фотографию города, в котором родился,
на его буйные сады и извилистые улицы, на пригорки,
католические шпили и купола православных церквей,
где по воскресеньям гудят такие мощные басы,
что окрестные деревья качаются, словно бушует ураган;
я долго смотрю на эту фотографию, не могу оторвать от неё
взгляда,
и вдруг представляю себе, что все они по-прежнему здесь
живут,
так, словно ничего не случилось, всё так же бегут на лекции,
ждут поезда, едут в синем трамвае,
с беспокойством глядят в календарь, встают на весы,
слушают арию Верди и любимую оперетку,
читают газеты (пока ещё белые),
живут в спешке, в страхе, всё так же опаздывают,
они немного бессмертны, но не могут об этом знать,
кто-то задолжал за квартиру, кто-то боится туберкулёза,
кто-то не может окончить работу о философии Канта,
не может понять, что такое вещь в себе,
моя бабушка снова идёт к Бжуховицам, несёт

торт на вытянутых руках, а они не падают в обморок,
в аптеке робеющий мальчик просит лекарство от робости,
девушка разглядывает в зеркале свои маленькие груди,
мой кузен выходит в парк сразу после купанья
и не знает, что скоро заработает воспаление лёгких,
иногда случаются вспышки энтузиазма, зимой жёлтые лампы
очерчивают круг близости, в июле мухи шумно празднуют
великое сияние лета, жужжа свои мрачные гимны,
происходят погромы, восстания, депортации,
является жестокий Вермахт в ладно скроенных мундирах,
подлое НКВД, красные звёздочки
обещают дружбу, но это — знак измены,
а они этого не видят, почти не видят,
у них столько дел, надо
запастись на зиму углём, найти хорошего врача,
растёт гора безответных писем, выцветают коричневые
чернила,
в комнате играет радио, новейшее приобретение, оно будет
передавать музыку и плохие новости, но они
устали от обычной жизни, от обыденного умирания,
у них ни на что нет времени, они за это просят прощенья,
пишут длинные письма и коротенькие открытки,
все они опаздывают, безнадёжно опаздывают,
так же, как мы, точно так же, как мы, как я.

ПОЭЗИЯ ИЛИ ЖИЗНЬ?

В недавно изданном сборнике эссе Адам Загаевский (1945 г.р.) выступил с требованием “высокого стиля” в поэзии. Этот автор дебютировал в поэтической группе “Тераз” (“Теперь”), возникшей в конце 1960-х годов в Кракове (в группу входили, в частности, Юлиан Корнхаузер, Ежи Кронхольд и Станислав Стабро). Вместе с Корнхаузером он выпустил знаменитую книгу эссе “Непредставленный мир” (1974), в которой требовал от литературы, чтобы она давала свидетельство реальности, преодолевая не только художественные, но и цензурные преграды. Он сам вступил в борьбу с цензурой как редактор первого нелегального литературного журнала — ежеквартальника “Запис” (Запись). В 80-е годы Загаевский жил за границей, в основном в Париже, где стал одним из основателей выходящего по сей день журнала “Зешиты литерацке” (“Литературные тетради”). Там он опубликовал и одну из самых известных в то время публицистических книг — “Солидарность и одиночество”, в которой поднимал вопросы своего рода диалектики, связывающей одиночество художника с его солидарностью по отношению к общественным чаяниям, ставил под вопрос и упрощенное видение мира, представляющее общественную проблематику в черно-белых схемах.

Последняя книга стихов Загаевского — “Антенны” (2005) — тонко напоминает о дискуссии 70-х годов: целых два стихотворения посвящены здесь “старому Марксу”. Так же — “Старый Маркс” — называлось написанное тогда стихотворение Виктора Ворошильского. Тот же образ появляется и в стихотворении Кшиштофа Карасека “Молодой Маркс” (что думает старый Маркс / высмеивая плохие стихи / молодого Маркса”). У Загаевского старик Маркс:

Не мог сосредоточиться, переписывал старые работы,

целыми днями читал молодого Маркса

и тайне восхищался этим смелым автором.

Вместе с Марксом в поэзию врывается стихия истории: “почти ежедневно оживает погожий сентябрь 39-го, свист бомб”; “когда я родился ещё был жив / и властвовал изрытый оспой грузин”; “мы писали стихи, как листовки, а листовки — / как

фрагменты расцветающей поэмы”. Это автобиографические заметки. Контекстом для них становится история Европы, всеобщая история. На оборотах этих страниц — тексты прочитанных поэм, ноты прослушанных симфоний, образы увиденных картин. Мне давно хочется выписать из стихов Загаевского фамилии авторов, которых он упоминает, реконструировать эту личную поэтическую энциклопедию культуры. Всё у него прищиплено автоироническим комментарием:

Да, защита поэзии и высокий стиль, etc.,

но кроме того — летний вечер в маленьком городке,

когда благоухают сады, а кошки спокойно сидят

перед домами, как китайские философы.

Что важнее — поэзия или жизнь? Эти стихи отменяют подобные вопросы. Когда я их читаю, я вижу молодого поэта, который пишет стихотворение “Старик Загаевский”, и оно начинается фразой: “что думает старый Загаевский, читая стихи молодого Загаевского”: молодой поэт вдруг понял, что — как в стихотворении “Жизнь — это не сон” — “стрелки над нами стали / вращаться всё быстрее”.

В этой книге встречаются молодость и старость — встречаются, а не сталкиваются. Время ускоряется, но при этом возвращается, приводит в движение пласты памяти. Если б я должен был указать главную черту этой поэзии, я сказал бы, что это “поэзия раздумья” — внимательной, иронически отстраненной рефлексии, которая собирает вокруг неуловимого, но неустранимого центра явления, по видимости распылённые во времени и пространстве. Однако тут же привлекает внимание тонкая динамика этой поэзии, проявляющаяся, когда речь идет об “обыкновенной трагедии” или — как в “Антеннах под дождем” — появляется строчка: “У меня болит солнце, — говорит мальчик в парке”. Вообще это поэма необычная, полная парадоксов, афористических сокращений, нагруженная лирической энергией, замкнутая великолепной “многоуровневой” концовкой: “Говорить надо изнутри. // Дело не в поэзии. // Не говори, слушай. // Не слушай”. У меня такое впечатление, что — сохраняя преемственность с прежним творчеством — вместе с этим сборником явился новый Загаевский. Он поэтически привлекателен и при этом, несмотря на сосредоточенность, “расслаблен”, более уверен в себе и своем слове. Загаевский,

который (хотя и не до конца) освободился от рационализма и поверил тому, что Болеслав Лесьмян называл “магией слова”.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

- Варшавский Национальный музей ждут серьезные перемены, а возможно, даже потрясения. По поручению министра культуры руководство музеем принял Джек Лохман, всемирно известный музейный реформатор (родившийся в Англии в семье с польскими корнями). Профессор Лохман высоко оценил собрание музея, но критически высказался о состоянии постоянной экспозиции.

– Необходимо освежить ее внешний вид, соединить тематику картин с интерпретацией, выражающейся в композиции пространства, полов, освещения, отопления, – сказал он в одном из интервью. – Все это должно гармонизировать друг с другом, чтобы в музей могла влюбиться молодежь, все чаще посещающая музеи мира.

По мнению Джека Лохмана, главное, чтобы у Национального музея был директор. Профессор даже намекнул на возможность международного конкурса. Возвращается и старая проблема: отсутствие места на временные выставки. Положение изменится, когда свое помещение освободит расположенный за стеной музей Войска Польского вместе с историческими самолетами, танками и пушками.

- “Украина – миру. Сокровища Украины из коллекции „Платар”” – так называется открывшаяся в Национальном музее выставка под почетным покровительством президента Польши Леха Качинского и президента Украины Виктора Ющенко. Коллекцию “Платар” создали два украинских бизнесмена: ныне покойный Сергей Платонов и Сергей Тарута, чья предпринимательская деятельность известна и в Польше. В течение десяти лет они собрали более 10 тыс. экспонатов. В Варшаве выставлено 400 произведений искусства, самые ранние из которых датируются VI тысячелетием до н.э., а самые поздние – XII веком. Среди них есть греческие и римские декоративные сосуды, скифские ювелирные изделия (главным образом прекрасные украшения), византийские предметы богослужения, памятники старины Киевской Руси. Жемчужина коллекции – трипольские сосуды в типичном для степных народов зверином стиле.

– Это крупнейшая экспозиция свободной Украины, – сказал президент Ющенко во время открытия выставки. – Мы можем

гордиться ею, ибо подобной нет во всем мире.

Не все разделяют это мнение. Коллекция создана благодаря грабежу, нелегальным раскопкам. Польские и украинские археологи не скрывают своего возмущения: “Это означает согласие с грабительской процедурой!”

Украинский археолог Максим Левада, бывший директор Института охраны памятников, сказал:

– То, что делается сейчас на Украине, приобрело очень опасную форму. Разумеется, разграбление древних гробниц и городов случалось и при коммунизме, но тогда это жестоко преследовалось. После краха коммунизма и обретения Украиной независимости никто не в состоянии за этим уследить. А ведь наш закон говорит ясно: нельзя извлекать археологические памятники и торговать ими без соответствующего разрешения.

Комиссар варшавской выставки профессор Витольд Добровольский знал, что львиная доля экспонатов была приобретена на археологическом “черном рынке”. “Владельцы не скрывают этого, – признал он. – Они объясняют, что, покупая эти сокровища, они предотвращали их нелегальный вывоз на Запад, руководствовались патриотическими побуждениями”.

Глубокую обеспокоенность в связи с тем, что Национальный музей участвует в действиях, противоречащих идее охраны культурного наследия, выразило Научное общество польских археологов. Спорную выставку можно посмотреть до 29 июня.

- Другую выставку под названием “Золотой дом Нерона” Национальный музей подготовил к 200-летию со дня смерти Франциска Смуглевича, выдающегося представителя польского неоклассицизма. На ней можно увидеть 60 больших гуашей и акварелей, изображающих интерьер и художественное оформление Золотого дома Нерона – одного из самых знаменитых сооружений древнего Рима. Смуглевич, протеже последнего польского короля Станислава Августа, – автор (или соавтор) всех этих работ. Художник провел на берегах Тибра 20 лет. В 1775 г. он получил интересный заказ: запечатлеть для потомков (совместно с двумя итальянцами) росписи из обнаруженных тогда античных помещений, ошибочно принятых за термы Тита. Сегодня известно, что на самом деле это был Domus aureus.

“Император Нерон, инициатор строительства Золотого дома, остался в памяти потомков как тиран и убийца, поджигатель Рима, гонитель первых христиан, – пишет куратор выставки Юстина Гузе. – Такой образ властителя создали античные писатели, а на рубеже XIX и XX веков закрепили Генрик Сенкевич (в литературе) и Генрик Семирадский (в живописи). Часто мы забываем, что Нерон был истинным любителем прекрасного и меценатом искусств, а Золотой дом – лучшее тому подтверждение”. В этом можно убедиться, посмотрев великолепные росписи, скопированные Смуглевичем. Выставка продлится до 13 июля.

- Кристина Курчаб-Редлих, свящ. Роберт Возняк и сестра Анна Балхан из Конгрегации сестер Марии Непорочной стали лауреатами премий им. о. Юзефа Тишнера, врученных в Кракове в ходе VIII Тишнеровских дней. Премии им. о. Юзефа Тишнера, умершего восемь лет назад философа и публициста, капеллана “Солидарности”, автора многих замечательных книг и незабываемого человека, вручаются за интеллектуальную добросовестность, отвагу и чуткость к нуждам ближних.

Лауреатов выбрало жюри под председательством главного редактора “Тыгодника повшехного” о. Адама Бонецкого. В состав жюри вошли: депутат от “Гражданской платформы” Ярослав Говин, проф. Лешек Колаковский, проф. Кшиштоф Михальский, архиепископ Юзеф Жицинский и Лукаш Тишнер, племянник о. Юзефа.

Кристина Курчаб-Редлих была награждена за свою книгу “Головой об стену Кремля” (изд. W.A.B.). Как гласит решение жюри, автор “смело рисует образ современной России, в которой торжествует пропагандистская ложь и нарушаются права человека. Ее волнующий рассказ – предостережение от бегства от обретенной свободы”.

– В книге представлен образ homo sovieticus, который, к сожалению, не умирает. Это предостережение для нас, поляков, от дурной ностальгии, – сказал секретарь жюри Лукаш Тишнер, добавив, что книга Кристины Курчаб-Редлих исполнена сочувствия к простым гражданам России.

Приносим лауреатке наши сердечные поздравления.

- Жителям Вроцлава представился случай посмотреть обычно недоступную для широкой публики рукопись поэмы Адама Мицкевича “Пан Тадеуш”. Маленький блокнотик в мраморной обложке был выставлен в специальной витрине во вроцлавском Кукольном театре вместе с выполненной в 1873 г.

резной шкатулкой черного дерева, которую украшают сцены из эпоса авторства Юлиуша Коссака, вырезанные на пластинках слоновой кости.

Перед входом в театр вроцлавян встречал оркестр Силезского военного округа в мундирах XIX века. Первые посетители вошли в здание под звуки полонеза Войцеха Килара из фильма Анджея Вайды “Пан Тадеуш”. Рукопись принадлежит вроцлавскому Национальному институту им. Оссолинских. Подробности, касающиеся хранения ценного манускрипта, строго засекречены. Сотрудники института прикасаются к нему только в исключительных случаях, только в перчатках и всегда в присутствии других сотрудников.

- В мае в Национальном театре (сцена на Вежбной) состоялась премьера “Отелло” в постановке Агнешки Ольстен с Ежи Радзивиловичем в главной роли. Радзивилович, актер с огромным театральным и кинематографическим опытом, не нуждается в представлении. Агнешка Ольстен (1977 г.р.) считается надеждой польского театра. Она уже поставила несколько значительных спектаклей, в частности “Нору” Ибсена в Национальном, а во вроцлавском Польском театре – “Линч”, основанный на одноактных пьесах японца Юкио Мисимы. Оба представления привлекли внимание критиков и публики. Ольстен создает спектакли смелые, горькие, касающиеся проблем современности. И, конечно, спорные. Мнения критиков по поводу “Отелло” тоже разделились.

Томаш Мостицкий из “Дзенника” раскритиковал спектакль в пух и прах. В рецензии, озаглавленной “Испорченная архидрама Шекспира” он пишет: “На протяжении почти двух часов группа актеров слоняется по сцене, сидит за плексигласовыми перегородками, которые дополнительно затрудняют понимание текста. О рождении ревности у главного героя нет и речи. Мы не знаем, почему Яго ненавидит Отелло и хочет разделаться с Кассио. Не знаем, потому что весь первый акт трагедии Шекспира, в котором объясняются психологические мотивы действий героев, просто-напросто выкинули из спектакля”. Смысла в этом рецензент “Дзенника” не видит ни на грош.

Иоанна Деркачев из “Газеты wyborчей”, напротив, считает спектакль точным и продуманным. Это прочтение Шекспира после войны в Югославии, утверждает она в статье “Отелло, или Мир игрушек для мальчиков”. Как это проявляется в представлении? “В нем нет автоматов и массовых убийств соседей. Женщины носят не черные платки, а короткие яркие платья из западных модных магазинов. Здесь нет

политических аллюзий, зато есть мизогиния и фрейдовский страх перед женским началом, столь характерный для мальчиков, которые слишком долго вместе играли в войну”.

Ян Цесляк в “Жечпосполитой” пишет коротко и ясно: во всем виноват феминизм: “Ольстен уверяет нас, что мужчины предпочитают любви ненависть. Шекспир был мужиком, вот она его и кастрировала”.

Вероятно, Шекспир удивился бы таким истолкованиям своего сочинения, если вообще признал бы его своим. Ведь ему неожиданно навязали соавтора. Текст подвергся “драматургической обработке” Бартоша Фронцковяка, который уже прославился несколькими “исправлениями” великих пьес.

- Однако радикальным реформаторам чужих текстов надо быть настороже. В мае был вынесен приговор по прецедентному делу о нарушении авторских прав в спектакле “Честь самурая”, поставленном в Еленей-Гуре. Ханна Щерковская, переводчица пьесы Адама Раппа “Серьезный как смерть, холодный как камень”, выиграла процесс против режиссера Моники Стшемпки, которая, по мнению истицы, исказила смысл произведения американского автора. Стшемпка перенесла действие спектакля в польские реалии, ввела в его язык множество вульгаризмов и изменила название на “Честь самурая”.

Впервые в истории польского театра по художественному вопросу высказался суд. В театральной среде это вызвало смешанные чувства. По мнению одних, “еленегурское дело” стало тревожным знаком преобладания авторских прав над всеми другими правами и ограничением творческой свободы. Другие считают, что уже давно пора положить конец эксплуатации чужой интеллектуальной собственности. “Сегодня в театре многие злоупотребляют режиссерской свободой, – сказал драматург Тадеуш Слободзянек, руководитель варшавской “Лаборатории драмы”. – „Улучшением” пьес занимаются любители, не имеющие представления о писанном слове. Они вводят в текст изменения на уровне мыльной оперы или комедийного телесериала. Закон должен защищать авторов от такого обращения”.

- “Исправлять”, соединять и монтировать умеет Ежи Яроцкий. Лучший тому пример – показанное в Театре телевидения нашумевшее “Блуждание” по мотивам творчества Витольда Гомбровича. Спектакль, разделенный на три части (Малошице, Аргентина, Ванс), представляет собой духовную биографию

писателя. Яроцкий использовал в нем фрагменты “Девственности”, “Фердидурки”, “Ивонны, принцессы Бургундской”, а также отрывки из до сих пор не опубликованной первой части “Оперетты”. Спектакль получился интересный и склоняющий к раздумьям – прежде всего о бессилии “времени умирания”, как сказал сам режиссер.

Вдова писателя Рита Гомбрович претензий не имела. “Ежи Яроцкий – несомненно один из лучших режиссеров современного театра, – сказала она в интервью “Жечпосполитой”. – Я очень благодарна ему за то, что почти с самого начала своего режиссерского пути он занимается творчеством Гомбровича. Спектакль „Блуждание” – особый пример восхищения как самим этим творчеством, так и личностью Витольда. Гомбрович уже стал героем нескольких романов, поэтому его появление среди персонажей „Блуждания” меня не удивило. Зато меня заинтриговал тот факт, что в спектакле должна появиться я. Я боялась увидеть себя на сцене. Но поскольку с течением времени человек относится к себе все более отстраненно, я решила рискнуть. К счастью, я увидела, что меня играет красивая молодая актриса Малгожата Кожуховская, которая, как мне кажется, прекрасно поняла сущность своей героини. Она подошла к ней немного сдержанно, но с большой чуткостью. Всё это мне очень понравилось. Были моменты, когда я была по-настоящему тронута”.

• В рамках Месяца фотографии в бывшей краковской “Кухне брата Альберта” прошла выставка “Польская Венера-2008”. Посетителям, помнящим старые времена, наверняка вспомнились смотры эротической фотографии “Венера”, на которые съезжались любители женских прелестей со всей Польши. На фоне пээнэровской серости это было небывалое явление. Хотя сегодня оно оценивается сурово. “Преобладали банальные изображения женщин, чаще всего светловолосых, на фоне луга или сада. Словом, синоним китча и художественной дешевки – сегодня мы определили бы это разговорным словом „отстой””, – пишет в “Жечпосполитой” Юстина Новицкая. Неужели всё было настолько плохо? Нынешняя выставка в художественном отношении очень изысканная. И немного грустная. Например, на ней представлены фотографии пустых комнат в публичных домах (цикл “Бордели”), а также работы на тему старости, бренности и увядания тела. Однако не все авторы отказались от интригующей красоты и соблазнительной силы эротики. К счастью.

- “Когда-то благодаря Марыле Родович май во всей Польше пах Саской Кемпой [Саская Кемпа – район Варшавы; в одной из песен Марыли Родович на стихи Агнешки Осецкой есть слова “Был май, пахла Саская Кемпа”. – Пер.], – вспоминает в “Жечпосполитой” Яцек Цесляк. – В этом году он будет оглашаться звуками ее нового диска, который должен занимать первые места в хит-парадах на протяжении всего года”.

После почти сорока лет карьеры “Мадонна ПНР”, как называла ее Агнешка Осецкая, продолжает выпускать новые диски. В поклонниках у певицы никогда не было недостатка. В альбоме “Чудесно” она возвращается к своим истокам в стиле фольк. Рецензенты восхищены. На новом диске Марыли слышны элементы африканского фолька, русской музыки и блюза. “Это вне всякого сомнения лучший альбом Родович за последние годы, – пишет “Дзенник”. – Под аккомпанемент акустических инструментов она свободно исполняет гармоничные песни о любви, грусти и восхищении повседневной действительностью – как и подобает настоящей девушке-хиппи с обложки альбома”. Эта хиппи с обложки изображена обнаженной, верхом на тигре, на фоне пейзажа райского острова – на картине, написанной краковской художницей Иоанной Кайзер в стиле знаменитого французского примитивиста Анри Руссо. Непобедимая Марыля!

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

С прилагательным дело обстоит так, что, с одной стороны – и это верно подчеркивал Бродский, говоря о прилагательных в стихах, – оно художественно “слабо”, однако с другой – обладает разящей, а иногда и поражающей силой удара. На это второе его свойство обращает внимание в последнем номере “Твурчости” (2008, №4) Влодзимеж Пазневский, фельетонные заметки которого, хоть иногда и раздражающие меня своим чрезмерным консерватизмом, я читаю в этом журнале с неизменным удовольствием, в частности из-за их стилистических достоинств – явления ныне довольно редкого. Этот фельетон называется “Сталинское прилагательное”:

“Начиная с XX века все героические попытки поймать ложь на месте преступления обычно кончаются поражением или половинчатой победой из-за той исключительно деморализованной части речи, которая называет, но давно перестала информировать, выражает, но куда сильнее стремится по возможности скрыть, обвиняет, совершенно не заботясь о доказательствах, причем заранее гарантирует себе статус „единственно верной истины”, которая вдобавок может быть отменена уже в следующем предложении, ибо с самого начала остается на службе текущего момента и меняющейся конъюнктуры, прежде всего политической”.

Уф-ф-ф, переписывая это предложение, я наслаждался его сложностью и нарастающей, вплоть до концовки, драматургией. Но пойдем дальше, ибо политическое, будучи однажды упомянутым, требует раскрытия:

“На протяжении многих лет, главным образом благодаря дрессировке внутри тоталитарных систем, специализацией этой части речи было навешивать ярлыки, сеять подозрения и натравливать одних на других. (...) Пропаганда сделала из нее заклятие, идеология – безошибочный опознавательный знак, а при случае – доказательство лояльности, политика – магическое заклинание действительности, а реклама – успешное средство залезть в карман. Но только в эпоху, над которой, казалось, благодаря гениальному „вождю и учителю трудящихся города и деревни” никогда не зайдет „солнце всего прогрессивного человечества”, то есть в 50-е годы, она стала

чем-то вроде языкового шедевра. Сталинское прилагательное (термин сочинен специально ради этого текста) пошло куда дальше, чем его зачастую принужденные к вежливости родственники. Вслепую размахивая топором, оно разоблачало, высмеивало, давало отпор, возмущалось и сердилось. Чем резче слова, тем очевиднее доказательство боевитости. (...) Этот вариант прилагательного всегда выступает в двойной, а то и в тройной роли, то есть называет, а называя – одновременно оценивает, вызывая в результате отвращение или слащавое одобрение. Не скрывая агрессивности, сталинское прилагательное автоматически становится инвективой”.

Пазневский рисует историю “сталинского прилагательного” в Польше, показывая, как слабеет его роль после 1956-го и как оно внезапно преисполняется мощи во времена военного положения:

“Что любопытно, подпольная печать, где роем роились резкие споры и разоблачительные статьи, старательно избегала использования сталинского прилагательного. Весьма-весьма тщательно. Это, однако, был уже совершенно другой ярус умственной культуры и языковых навыков. Схожим образом выглядела публицистика, дискуссии и социальное общение в первый период после 1989-го, хотя и в то время в Польше не было недостатка в конфликтах. Положение постепенно начало выходить из-под контроля во второй половине 90-х, и около 2005 г. сталинское прилагательное повсюду расталкивало всех локтями в статьях, публичных выступлениях, дискуссиях и полемике. (...) Но особенно поражает частота и вездесущность сталинского прилагательного в публичной жизни „здесь и сейчас”. С одинаковой ловкостью им жонглируют все без исключения газеты, радиостанции и телеканалы, особенно в дискуссиях и полемике. Не лишена таких прилагательных и католическая печать, не лишены еженедельники. Из моих наблюдений вытекает, что сталинский вариант агрессивного или опровергающего прилагательного появляется, притом всё смелей – o tempora, o mores – даже в проповедях, не говоря уже о рецензиях и фельетонах. Практически говоря, без сталинских прилагательных не может обойтись ни одна перебранка в Сейме и Сенате, причем независимо от партийной принадлежности, образования, компанейского бытования и т.н. kinderstube участников этих жалких зрелищ”.

Пазневский приходит к выводу:

“Почему так происходит? Потому что политика, где царят второразрядность, банальность и скука, стала в сегодняшней Польше убежищем неудачников, извращенцев и всяческой

масти чудаков. Сегодня нагромождение сталинских прилагательных – самый распространенный способ заглушить иное мнение. Поколенческая принадлежность, похоже, тоже не играет тут никакой роли”.

С этими замечаниями в принципе можно согласиться, хотя жаль, что автор не привел никаких ярких примеров. А примеры найти нетрудно. Хотя бы из книги Сергиуша Ковальского и Магдалены Тулли “Вместо процесса. Доклад о языке ненависти”, вышедшей в 2003 г., где анализируются, в частности, антисемитские и ксенофобские тексты из нескольких газет, называющих себя правыми.

“Сталинское прилагательное” вызывает отвращение, но в то же время влечет. Не думаю, что определение “что-то вроде языкового шедевра” Пазневский употребил случайно. Я прекрасно помню, как потряс меня кинофильм Пазолини “120 дней Содома”: с одной стороны, хотелось тут же уйти из кинозала, ибо меня переполняло чувство омерзения, с другой – я был этой картиной по-своему зачарован. Ибо во всем этом есть какая-то двусмысленность. И не удивительно, что эта проблема всё чаще становится объектом анализа. Последний номер катовицкого ежеквартального журнала “Ополе” (2008, №1) публикует подборку статей по теме “Отвращение”. Среди этих текстов мое внимание обратила на себя статья Катажины Зданович-Цыганяк “Тошнота – отвращение и литература”:

“Грязь, испражнения, вывороченные внутренности, мертвые, искалеченные тела – всё, что в культуре рассматривалось как несъедобное, заразное, обесчещенное, а главное, явно нарушающее сферу запретов, вызывает у нас омерзение, пронизывает плоть, будит разгул воображения и усиливает страх. Но разве в некоторых обстоятельствах ложь, жестокость, крайняя чуждость, сексуальность и т.п. не способны вызвать в нас такую же бурную, конвульсивную реакцию, связанную с омерзением или верно сопутствующими ему страхом и гневом? В постмодернистской культуре именно чуждость отождествляется с тем, что отвратительно, прилипчиво и заразно. Как подчеркивает Зигмунт Бауман, не кого иного, а пришельцев из неведомых краев, потенциальных оборотней, регулярно обвиняют в „неряшливости, загрязнении окрестностей, незнании личной гигиены”, а в результате – в том, что они разносят болезни, оказывают дурное влияние на наших и т.п. Грязны и отвратительны не только их тела, но и умы. (...) Отвращение и отталкивание стоят, таким образом, на страже порядка и постоянно предостерегают нас от перехода его границ. Но, как подчеркивает в „Мощи отвращения” Юлия

Кристева: „Отвращение – несомненная граница, но прежде всего отвращение двусмысленно. Оно, правда, определяет объект, но не отделяет его радикальным образом от того, что ему угрожает, – наоборот, оно обнаруживает, что объект находится в постоянной опасности”. Быть может, потому что мы отталкиваемся не только от того, что вне нас, но и от той части, которую в себе содержим, но отрицаем. Об этих двух воплощениях отвращения не забывает литература – более того, она вдохновляется этой двусмысленностью, переопределяя понятие границы и вопрошая о статусе того, кто ее нелегально пересекает”.

Можно рискнуть и предположить, что в искусстве любое пересечение границы “нелегально”, но эта “нелегальность” составляет его внутреннюю необходимость, а наградой – оставив в стороне возможные наказания, постигающие “преступников”, – становится катарсис, приносимый искусством. Это я и чувствовал, выйдя после сеанса картины Пазолини. Так же обстоит дело с чтением такого рода “жутких книг”. Их анализу автор посвящает большую часть своей статьи, говоря о таких произведениях, как “Пятый ребенок” Дорис Лессинг, “Карла” Пера Лагерквиста, “Любовник” Маргерит Дюра и “Пианистка” Эльфриде Елинек. Примеры можно, разумеется, умножать – вспомним хотя бы “Тошноту” Сартра или модную в последнее время “брутальную” драматургию, – а граница “непересекаемого” оказывается подвижной. Заканчивая, Катажина Зданович-Цыганяк пишет:

“Какую роль в контексте отвращения может играть литература? Юлия Кристева подчеркивает, что „художественный опыт коренится в отвратительном”, в то же время обладающем необычайной очистительной силой. Называя – оно освобождает. Однако отвращение всегда остается двусмысленным. С одной стороны, оно позволяет нам осознать существование различий, заставляет соблюдать осторожность, напоминает о границах порядка. В каком-то смысле оно может нас спасти – сигнализируя опасность, риск пребывания на угрожаемой территории. А с другой – мы самоотождествляемся с радикально-отрицательной реакцией на всё то бессвязное и чуждое, что становится неизбежной западней, в том числе и для нас самих, ибо „грязь” на наших руках – возможно, воистину „наша” ...”

Наша она и есть, а искусство служит тому, чтобы обнажить ее. Об этом пишет Ян Годович в фельетонных заметках “Бред” в журнале “**Нове ксёнжки**” (“Новые книги”, 2008, №4):

“На чем-то вроде авансцены, видимой из-за обрывков занавеса, присела на задних лапах брюхатая зверюга с длинной, неясной мордой. Из зарослей шерсти у нее торчат восемь сосков. Она не выглядит страшно: глазки поднимает кверху, над острыми ушками сияет ореол. На коленях перед ней, ягодицами к зрителю, склонилась женщина, экстатически машущая кадилом. Это „Поклонение” (1901-1902) Альфреда Кубина – эмблематический образец его тревожного искусства. Невозможно отрицать, что эта смешная и ужасная сцена отлично нарисована”.

Вероятно, поэтому, прибавим, произведения Кубина позднее были включены нацистами в собрание “дегенеративного искусства”. Но давайте читать дальше:

“На другом рисунке прямо в раскрытое лоно лежащей великанши, показанное с самой интимной стороны, удирает крохотный самец. Но в этом нет ничего неприличного: чудовищные размеры богатырши заставляют думать о явлении спелеологической природы, над которым вдали возвышаются вершины грудей и подвал подбородка склоненного лица. У отчаянного исполнителя этого „Смертельного скачка” (1901-1902) тоже не видно лица. Злорадный образ одурманенности сексуальным фатализмом не требует индивидуализации. И т.д., и т.п. Художник оставил сотни подобных рисунков, и тот, кто их видел, – не забудет. Переполненный чудищами мир Кубина выглядит столь же безграничным, сколь бездонным был черный колодец его воображения. Впечатление, что мы общаемся с умом, который преследуют полчища демонов, нас не обманывает: Кубин действительно боролся с шизофренией и жаждал покоя в той же мере, в какой поддавался воплощению своих страхов. Однако в противоположность художникам, которых в связи с графикой Бруно Шульца называет Виткаций: Гойе, Ропсу, Мунку „и даже Бердслею”, – его видения разоружает то ли наивный, то ли издевательский инфантилизм. Под дрожь, которую они вызывают, подложена насмешка”.

Кубин также написал роман – “По ту сторону” (1909), герой которого, Клаус Патера, создает искусственное Государство Сна и в центре его – Город-Жемчужину. Этот город, пишет Годович, “мучимый червями и крупными хищниками, облезающий лишаями сверху, подгнивающий снизу, наконец крушится в развалины, которые поглощает речная пучина: прямо перед концом из бездны водоворота выныривает на мощной шее хохочущая морда верблюда. И эмпирия неврастеников развеивается, как бред. А всё из-за того, что Патера, грезящий

внутренними “я” всех свих подданных разом, переоценил свои силы. Он воздвиг город как образ внутренностей своего ума, – так же, как в окрашенной черным мастерской, интерьере ума художника, происходит все действие „Каракатицы” [Виткация]. (...) Однако идея, которую рассматривают Кубин и Виткаций, не так невинна, как могло бы показаться. Вовсе не нужен художник, чтобы додуматься до страны-убежища обиженных на современность ретроградов, где жертвы судьбы наконец-то сыграют издавна задуманную драму своего больного воображения, сведут залежавшиеся счета и сотворят социальный шедевр по своей мерке. Где владыка снов даст наконец волю всем старым обидам (...) а тех, кто сопротивляется шаткой реальности, будет мучить, заставляя изучать свой характер, намерения, методы. Первое польское издание „По ту сторону” вышло в печальной памяти 1968 году, бросив мрачный свет на утопию государства, замкнутого в кругу кошмаров. Неслучайно второе может выйти сейчас, когда призрак Государства Снов почти ожил как проект и представление, где нам предстояло видеть окрашенные инфантилизмом сны шарлатанов-демиургов под вечно хмурым небом”.

Одно дело, однако, смотреть “дегенеративные” видения художников – неважно, больных или здоровых, и совсем другое – жить в мире, воплотившем эти видения. Одно дело – “сталинское прилагательное” как объект научного исследования, другое – когда оно становится орудием пропаганды: своеобразие этого “языкового шедевра” основано на том, что он лжив и на лжи построен. Совершенно иначе обстоит дело с искусством, “нелегально” пересекающим границы существующего порядка. В конце статьи Иоланты Хылкевич “Безумие и гений” (“Ньюсуик-Польша”, 2008, №19) мы читаем:

“Неизвестно, почему природа сложила безумие и гений из одних и тех же кусков головоломки. Почему она не отбросила их путем естественного отбора? Причина была такой же, как та, что положила начало распространению в Африке истребительной серповидной анемии. Те, кто генетически не имел иммунитета против анемии, обладают иммунитетом против другой, куда более частой болезни – малярии. Это элементарный пример несчастной записи в генах, которая несет с собой смертельную угрозу, но в конечном счете повышает шансы на выживание. Быть может, нарушения настроения, эмоций, даже психические болезни – это цена, которую стоит заплатить, если перед нами стоит необходимость открывать мир, творческие силы, творческие

способности. В ходе эволюции такие черты, должно быть, давали перевес. Сегодня они стали несомненным козырем, поэтому природа может их так или иначе ставить в благоприятное положение. Это могло бы объяснить наблюдаемый сегодня рост некоторых психических нарушений и заболеваний. Если мы начнем их лечить – не избавимся ли мы от гениев?”

СОФТ-РЕЛИГИЯ

Художникам надоели религиозные провокации. Означает ли это конец тех иконоборческих выставок, которые завершаются в судах?

На стене висит полыхающая красным неоновая надпись, которая предостерегает: “Рождается враг”. Беспокойство не покидает нас, потому что на полу извиваются погруженные в черноту и пламя нагие тела родом из барочных религиозных фресок – картина ада, – а на потолке мы видим изображение лучезарного неба. Но уже спустя несколько мгновений эти символы зла и добра, проецируемые с помощью диаскопов, меняются местами. Ад на небесах, в раю?

Адски-райская видеоинсталляция “Ар-магеддон” молодой художницы Дороты Хилинской, “инспирированная” Апокалипсисом, или Откровением апостола Иоанна Богослова, – это одна из работ, экспонируемых с 13 марта на выставке “Вне добра и зла” в щецинском замке князей Поморских, которая представляет собой часть международного фестиваля “инСПИРАЦИИ. Sacrum-Profanum”. Художники задаются вопросом о границе между добром и злом, наблюдают за их взаимопроникновением, задумываются о смысле веры. Часть из них обращается к религиозным символам, ссылается на стереотипы, таящиеся в глубинах нашего сознания. Но не намеревается шокировать. Иначе, нежели это происходило в 90-е годы, когда провокация была явлением будничным, повседневным, а художников за оскорбление религиозных чувств таскали по судам. Может сложиться впечатление, что религия перестала быть для них горячей темой. “К ней относятся теперь обдуманно и замаскированно”, – оценивает Казимеж Пётровский, искусствовед и куратор многочисленных выставок, затрагивающих религиозную тематику. Художники не провоцируют, не атакуют напрямую, а прибегают к иронии, к шутке, тонко разоблачают. Вера, Церковь, религия стали всего лишь одним из многочисленных поводов к их экзистенциальной пытливости. Марта Пшонак разместила в деревянном, напоминающем гроб, более чем метровом ларце необычную скульптуру – бейсбольную биту с надписью “INRI”, то есть сокращением латинской фразы “Иисус-Назаретянин, Царь Иудейский”, скопированной с картины Матиса Грюневальда. Этим самым она создала современные мощи,

напомнив о насилии. О том, которое сопутствует христианству: о кровавых крестовых походах и о самом преступлении, совершенном над Христом, но прежде всего – о насилии сегодняшнем, с которым мы сталкиваемся каждодневно. Насилии во имя какой идеи? Хорошей или плохой, связанной с добром или злом?

Формулируя эти вопросы, художники одновременно очерчивают границы своей свободы. “Всё ли можно художнику?” – спрашивает “СуперГруппа Азорро” в названии фильма, который демонстрируется на упомянутой выставке. В контексте искусства, поднимающего религиозную тематику, этот вопрос по-прежнему представляется в Польше обоснованным.

Трепка от оскорбленных

Еще несколько лет назад искусство было полем боя. Против Дороты Незнальской за ее работу “Страсти”, показанную в декабре 2001 г. в гданьской галерее “Выспа” (“Остров”) – крест с фотографией мужских бедер и гениталий, – возбудили судебный процесс в связи с оскорблением религиозных чувств, более того – ее даже приговорили к шести месяцам ограничения свободы (запрет на выезд за рубеж и бесплатные общественные работы в объеме 20 часов в месяц. – Пер.).

В тот же самый период общественное мнение и политики шумно провозгласили иконоборческой, а монахи паулинского ордена из Ченстоховского монастыря на Ясной Гуре проклинали “Иррелигию” – выставку польского искусства, устроенную в частном музее “Ателье 340” в Брюсселе. Правда, ее куратор Казимеж Пётровский не попал за этот проект под суд, но потерял должность в Национальном музее, откуда его уволил тогдашний директор. “Я получил изрядную трепку”, – вспоминает он. Эта выставка, которую в Польше до сих пор не удалось показать, стала темой споров в парламенте, появились даже депутатские запросы. По замыслу она была обзором польского искусства XX века, обращающегося к религиозной тематике, однако восприняли ее как атаку на католическую Церковь. Что же вызвало столь крупный скандал? Различные изображения Девы Марии: танцующей, в шляпке, с усами, в виде красивой женщины с обнаженной грудью (на фотоснимках Катажины Гурной) или, в конечном итоге, с узорами на теле (татуировки Яцека Маркевича). Буря разразилась вокруг трех работ из серии “Грелки” Роберта Румаса, который разместил ханжески-набожные скульптурные изображения Иисуса и Марии в прозрачных мешках с водой, словно бы хотел их утопить – ликвидировать и свести на нет

народный, низкопробно китчевый богородичный культ, имеющий хождение в польском обществе. Не обошла эта буря и Дороту Незнальскую (ее “Отпущение грехов”, критикующее таинство исповеди), а также Владислава Хасёра (“Хоругвь”), шуточные работы группы “Калишская лодка” или гностические “Эмблемы” Гжегожа Кламана. Выставка показывала сложность и многоликость польской религиозности, ставила вопросы по поводу морали и высших ценностей, а тем временем дискуссия, которая велась в связи с нею, вращалась вокруг дилеммы: богохульство или искусство? Представляется, что тогдашние войны, которые велись “во имя защиты католической веры”, и тягание художников по судам в значительной степени перепахали наше мышление о современном искусстве. Сегодня каждый пять раз подумает, прежде чем назовет художника святотатцем, а суд не отнесется всерьез к свидетелю, который признается – как это произошло с выступавшим при рассмотрении дела Незнальской, – что отправился на ее выставку, дабы искать там преступление. Провокация утратила свежесть и силу, пришло время поменять язык. Десяток лет назад она была, однако, эффективным инструментом, возвращающим искусству его критикующую роль. Работы художников вызывали интерес, провоцировали к разворачиванию дискуссий, выбивали людей из привычных схем мышления. Искусство восстановило свое место в общественном пространстве, откуда оно оставалось исключенным на протяжении всего периода ПНР.

Бог завидует нашим ошибкам

При коммунистах искусство пытались запереть в удобном для правителей круге формальных проблем, вне пределов политической сферы. Религиозная тематика по очевидным причинам представляла собой табу. Художники подвергались двойному ограничению: с одной стороны, действовала цензура, которая запрещала изображение религиозных чувств и не хотела никаких раздражающих факторов на линии “государство – Церковь”, с другой стороны – самоцензура. Тех деятелей искусства, которые бунтовали против системы, ограничивающей их свободу, поддерживала как раз Церковь. Зло скрывалось в чем-то ином, и острие художественной критики было направлено туда. Нередко единственным пространством свободы оказывались галереи при костелах (например, на Житной улице в Варшаве или при соборе Святого Креста во Вроцлаве), где устраивалось много важных выставок. Но в этом течении околоцерковного искусства 80-х годов, полном серьезности и весомого национально-христианского

содержания, не было места для произведений, пронизанных иронией и кощунственным святотатством.

Однако такого рода работы возникали. Альтернативные действия предпринимали так называемые “дикие” – художественные группы вроде “Калишской лодки”, “Оранжевой альтернативы”, “Культуры на выброс” или “Группы”, осуществлявшие эксперименты с формой, провоцировавшие, противопоставлявшие себя повсеместно принятым иерархиям ценностей, вступавшие со своим искусством в жизнь за пределами музейных залов или галерей. В рамках всего этого Марек Собчик написал “Тайную вечерю” с водкой и сигаретами, “Молоко Марии и кровь Христова” в баре, Ярослав Модзелевский – “Размашистое воскресение из мертвых”, тогда как Адам Ржепецкий дорисовал усы на репродукции чудотворной иконы Богоматери Ченстоховской, члены “Калишской лодки” в полном составе сфотографировались в качестве скупающих апостолов, расположившихся у длинного стола (“Тайная вечеря”), а весь состав “Культуры на выброс”, концентрировавшейся вокруг независимых лодзинских галерей, встречался на фоне транспаранта “Бог завидует нашим ошибкам”.

Однако лишь 90-е годы принесли с собой перелом в польском искусстве и перемену в его отношении к религии. Активность церковных иерархов на политической сцене вызвала ответную реакцию: появилась – кстати говоря, и в поп-культуре тоже – критика самого института Церкви и польского менталитета, укорененного в католицизме. Художники, захлебываясь и упиваясь свободой, занимали радикальные позиции, присваивали себе право на символическую агрессивность, на пребывание за рамками всякого порядка – морального, религиозного, общественного. Это принесло с собой исключительно выразительное искусство. Именно в 90-е годы возникли “Грелки” Роберта Румаса, а в собрание варшавской галереи “Захента” попала его инсталляция “Господь в моей отчизне пользуется почетом” – подсвеченная полка, на которой в ряд выстроились стеклянные банки с польским флагом, фигурками Матери Божией, розами, облатками, мелкими монетами и колбасой. Сходную стратегию: прибегать к основным символам культа, чтобы бороться с безвкусной мазней и китчем, с поверхностностью религии и с ее осколками в польской ментальности, – принял для себя Владислав Хасёр, когда создавал серию скульптур-часовенок, сделанных, например, из телевизора, который ставился на столик со свисающей посередине салфеткой.

Техносакрализация

Таких работ, напрямую критикующих состояние польской религиозности и использующих сильные выразительные средства, сегодня в нашем искусстве становится всё меньше. Художники уже не хотят шокировать. Предпочитают иронию, шутку, цинизм. Несколько лет назад фотограф и автор перформансов Хуберт Черепок заказал церковную службу за успех своей предстоящей выставки, снял богослужение на пленку и показал на этой выставке. Матеуш Пенк прибегает к религиозной символике, чтобы смело сочетать ее с эстетикой поп-культуры. Его “Религиозные имплантаты” (2004) – это цикл подсвечиваемых снимков-лайтбоксов, на которых сам художник тянется в струнку и напрягается, словно заправская фотомоделль, показывая миру крестик, имплантированный в его тело на груди. Внушаемая им идея ясна и отчетлива: католическая Церковь внедрилась в польское общество наподобие имплантата, а раз она пересажена в него неподалеку от сердца, то воздействует сильно и непосредственно. Вывод напрашивается сам собой: до того сильно, что ее трудно вырвать из тела. Но Пенк не критикует католическую доктрину, он говорит скорее о необходимости изменений. В видеопроизведении под знаменательным названием “Проект техносакрализации католической Церкви” художник, ссылаясь на слова Жана Бодрийяра, добивается религии, поспевающей за общественными и технологическими переменами. Хочу такого Бога, который бы разрешил удовольствия и понимал современный мир.

Потребность в изменениях видит также Лешек Кнафлевский. В цикле подсвеченных изнутри фотографий (световых коробов-лайтбоксов) “Killing me softly” (“Убивай меня ласково”), часть которого мы увидели на щецинской выставке, художник воплотился в роль священника-террориста, современного рыцаря-крестоносца. Серия снимков духовного лица в боевом шлеме и с оружием бьет в институт Церкви как в организованную, до зубов вооруженную группу, которая обладает властью, и в ее агрессивную позицию по отношению к обществу. Но вместе с тем наименование проекта и сексуальная эстетика этих работ, которые напоминают фотографии из журналов мод, наводят на мысль, что художник требует новой религии. Тонкой, снисходительной, дающей тем, кто верует, чувство безопасности, шутливой, соблазняющей. Казимеж Пётровский даже придумал для нее термин: софт-религия.

Под этим постулатом, наверное, подписался бы и Павел Кащинский, который в представленном в Щецине фильме

“Advocatus noster – defende nos!” (“Защитник наш – защити нас!”) тягается с агрессией и лицемерным ханжеством религиозных фанатиков. Такой простой прием, как столкновение парня, молящегося на коленях близ алтаря, и надетой на него куртки с надписью “Hooligan”, сочно и наглядно обнажает эту фальшь и комментирует агрессивные акции “Всепольской молодежи”. Вера, которая повсеместно признается добром, может служить превосходным алиби для зла. А может, зло таким способом ищет добра? Проект приобретает еще более внятную выразительность, если нам известно, что на выставке в познанской галерее “ОН”, где видеохудожник в первый раз показывал этот фильм, появились молодые члены партии “Лига польских семей”. Они наверняка высмотрели бы в этой работе подающее дурной пример и скандальное содержание, если бы не согласие познанской епархии на ее реализацию в церковном интерьере.

Папа Римский в садике

Однако боятся ли все-таки Церкви польские художники? Наверняка дело Незнальской оказало влияние на смену художнических стратегий. Кнафлевский при подготовке упоминавшегося проекта консультировался со священнослужителями, открытие выставки, запланированное на месяц перед смертью Папы, он сдвинул, а галерея по этому случаю наняла охрану. На проходившей в ноябре прошлого года во вроцлавской галерее BWA выставке “Santo Subito” (“Святой немедленно”) художника, который скрылся под псевдонимом Петер Фусс, где можно было увидеть слайды с мелкими предметами религиозного культа: фигуру Папы в виде миниатюрного брелка, лампадки или бутылочки, а также серию из 24 Пап – садовых гномиков, – появилась полиция. Такие примеры можно множить. Павел Хайнцель, чей шуточный фильм “Аллилуйя, аллилуйя” мы увидели в Щецине, признаётся, что знакомые предостерегали его, когда он готовился к участию в крестном ходе на праздник Тела Господня в костюме закопанского мишутки. Только чудом артиста не задержали, а сам этот религиозный обряд его усилиями переродился в народное гулянье. “Люди махали мне, мамы с детьми делали для себя фотоснимки”, – вспоминает художник. И открыто признаётся, что не боится говорить, что Бога нет, а религия существует там, где есть бедность, убожество и нужда. Достаточно взглянуть на карту мира...

Если перефразировать название работы Катажины Козыры^[1], то пусть бы мечты сегодняшнего искусства стали реальностью

и на религиозной карте мира быстро появилась софт-религия. Чего можно пожелать отнюдь не только художникам.

“Ньюсуик-Польша”, 2008, №11

1. Имеется в виду последний проект этого широко известного 45-летнего польского скульптора, а также мастера видеоработ и инсталляций, который называется “В искусстве мечты становятся реальностью” (пер.).